

ЗВЕЗДЫ РОМАНТИЧЕСКОГО
ФЭНТЕЗИ

Ольга Куно

ПРАВАЯ РУКА
КНЯЗЯ ТЬМЫ

Ольга Александровна Куно
Правая рука князя Тьмы
Серия «Звезды
романтического фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67688937

Правая рука князя Тьмы: [роман] / Ольга Куно: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-146573-5

Аннотация

Высший демон, правая рука князя Тьмы, спустившийся на Землю. Обедневший дворянин, сбежавший из-под венца. Скромная послушница, покинувшая монастырь ради добрых дел. Бесшабашный разбойник, едва избежавший казни. Гордая воительница, обвиненная в колдовстве. Что будет, если эти пятеро соберутся вместе? Удается ли им изменить ход истории, предотвратив кровавый ее виток? И есть ли место любви там, где в игру вступают высшие силы?

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	41
Глава 5	60
Глава 6	84
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Ольга Куно

Правая рука князя Тьмы

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

© О. Куно, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

Полная луна совершенной формы освещала высокий живописный холм, каких немало можно лицезреть на просторах Лакантрии. В эту ночь краски стерлись, теряя свое дневное разнообразие. Предметы, хотя бы самую малость удаленные, казались черными на фоне более светлых небес. Прохладный ветер колыхал свежую весеннюю траву вместе с посягнувшими на ее территорию цветами.

Вдруг странное, неестественное свечение, опустившись на холм с самих небес, заколыхалось, постепенно принимая очертания человеческой фигуры. Казалось, оно не принадлежало этому миру, и уж точно не походило на свет солнца, сияние луны или мерцание звезд. Еще несколько долгих мгновений – а именно такими они и бывают в часы полнолуния – и на месте свечения появилась молодая женщина.

Ничто не свидетельствовало о ее необычной сущности, во всяком случае, на первый взгляд. Роскошные черные волосы сплетены в тугую косу, как принято в здешних местах. Соблазнительные губы, острые скулы, раскосые глаза, темные как ночь, но это если как следует присмотреться. Ладная фигура, худое, но крепкое тело, что тоже не редкость, особенно среди крестьянок. Платье до щиколоток соответствовало моде, такой фасон можно встретить как у простолюдинок, так и у матрон среднего сословия. Все зависит от ткани

и украшений. Аристократки – дело другое, те носят совсем иные наряды, с пышными юбками, кружевами, золотым шитьем и суровыми корсетами.

Появившаяся на холме незнакомка с легкостью вдохнула полной грудью свежий ночной воздух и стала совершать странные движения. Пошевелила правой рукой, затем левой, с интересом их оглядывая. Сделала несколько шагов по траве, пару раз оступившись с непривычки. Сторонний наблюдатель решил бы, что девушка пьяна, и сильно ошибся бы. Просто гостье подлунного мира требовалось время, чтобы привыкнуть к человеческому телу. Она покрутила головой, разминая шею, широко расправила плечи и подняла лицо к черному, как бездна, небу.

– Все в порядке, Повелитель, – негромко произнесла она.

Повышать голос не было нужды: тот, с кем разговаривала незнакомка, услышал бы и невнятный шепот. Ветер пробежал по высоким травам, невесомо коснулся разгоряченных щек, давая ответ: «Хорошо. Все идет по плану. Привыкай и осматривайся».

Женщина кивнула и все еще неровным шагом двинулась вниз по склону холма.

Часть первая

Глава 1

Шаг за шагом я осторожно ступала по податливой почве, принаравливаясь к человеческому телу, как всадник к новой норовистой лошади. Это тело имело собственные инстинкты, и следовало не только подчинить его власти своего разума, но в чем-то, напротив, дать волю, предоставив возможность отвечать за реакции, не нуждавшиеся в моем контроле. Я не впервые принимала человеческий облик, но последний раз был слишком давно. Сколько времени успело пройти? Лет триста по человеческим меркам? Или все-таки пятьсот?..

В очередной раз споткнувшись на ровном месте, ругнулась, помянув принца Света, а подняв глаза, обнаружила прямо перед собой ухмыляющееся существо, смутно напоминающее человека, правда, сходство с обезьяной было тоже немалое. Внимательнее присмотревшись к небритому лицу, жиденькой прическе и неопрятной одежде, я все же пришла к выводу, что вижу перед собой представителя вида хомо сапиенс, особь мужского пола, пусть и в далеко не самом совершенном варианте. Трудно было удержаться от усмешки. Принц Света неоднократно утверждал, что человек создан

по его образу и подобию. Любопытно, что бы он сказал, увидев этого индивидуума?

– Улыбаешься, девонька? – довольно осклабился мужчина.

Я непроизвольно поморщилась: человеческое тело плохо реагировало на резкие запахи.

– Ты что-то съел? Или выпил? – попыталась прояснить причину. – Вряд ли так отвратительно пахнут твои внутренности.

Мужская особь обиделась, если, конечно, я не разучилась правильно интерпретировать человеческую мимику.

– Подумаешь, хлеба с чесночком перехватил, – огрызнулся он. – Ишь ты, какая цаца, запашок ей не нравится. Посмотрим, как сейчас запоешь.

Его липкие потные руки потянулись к моей... кажется, это называется талией. Это бы я еще стерпела, но приоткрытый рот приблизился, и вонь стала уж вовсе невыносимой. Нехорошо, конечно, раскрывать себя сразу, но, уверена, с учетом обстоятельств князь Тьмы меня поймет. Думаю, даже принц Света понял бы.

Отступив на шаг, я пристально вгляделась в глаза случайно повстречавшегося путника.

– Грег Донеллан, тридцать восемь лет. – Зрачки хомо сапиенса удивленно расширились, а я не без удовольствия продолжила: – Совершил насилие над пятью женщинами, младшей из них было четырнадцать, старшей – сорок один. Двух

ты после этого убил. Одну, наоборот, сначала убил, а уж потом надругался.

Особь отступила, в ужасе махнула рукой, будто ожидая, что я сейчас развеюсь (как бы не так!), и, качая головой, запричитала:

– Это неправда. Всё совсем не так было. Неправда!

– Ты утверждаешь, что не насиловал тех женщин? – спросила я с любопытством.

Интересно же понять, что творится в голове вставшего на моем пути экземпляра.

– Не знаю, откуда тебе это известно... Наверное, ты – ведьма! – осенило его. Я лишь тихонько рассмеялась. – Но я не некрофил. Я не спал с мертвой! Только немного ее придушил, чтобы не дергалась. Она сама виновата. Но она не была мертва!

– Как любопытно! – воскликнула я, складывая руки на груди. – Какая оригинальная интерпретация морали! Тебя только что обвинили в насилии и убийствах, и это не слишком затронуло твою ранимую психику. Тебя нисколько не беспокоит то, что ты мучил живых женщин, способных чувствовать, страдать и испытывать боль. Нет, ты шокирован другим – тем, что занимался сексом с телом, которое к тому моменту уже покинула душа. Телом, которому было совершенно безразлично, что с ним происходит, поскольку его владелица находилась очень далеко отсюда. – Я немного поизучала мужчину и задумчиво покачала головой. – Очень

своеобразный моральный кодекс. Признаюсь, он не слишком мне импонирует.

– А мне не слишком нравятся ведьмы.

Похоже, со словом «импонировать» хомо сапиенс знаком не был, но общий смысл понял верно.

– Большая трагедия. Уверена, они чрезвычайно из-за этого страдают.

Лицо собеседника приняло агрессивное выражение (если судить по расширенным ноздрям, плотно сжатым губам, покрасневшему лицу и прочим признакам). Он снова шагнул ко мне.

– Брось, на надругательство ты уже не настроен, – уверенно отметила я, но отчего-то это замечание лишь сильнее его разозлило.

– Зато ты ничего никому не расскажешь, – прошипел он и, накинувшись на меня, начал душить.

Инстинкты, присущие человеческому телу, призывали сопротивляться, попробовать разжать чужие пальцы в борьбе за глоток воздуха. Но я не дала им волю. Вместо этого сомкнула собственные руки на горле мужской особи и сдавила посильнее.

Дышать стало легко, а хомо сапиенс задержался, пытаясь вырваться, но, конечно же, безуспешно. Я ослабила хватку, и Грег Донеллан безжизненно повалился на землю.

Движимая инстинктами, я прикоснулась к своей шее, хотя прекрасно знала, что отметин не осталось. Склонившись над

трупом, запоздало парировала:

– Да нет, это ты никому ничего не расскажешь. – Расстегнула пару верхних пуговиц на рубашке покойного и приложила к его груди кольцо-печатку, которую носила на мизинце. На коже проявился отпечаток изображенной на кольце руны. – Это чтобы ты попал, куда нужно, – пояснила я, не вникая в подробности.

Ветер снова всколыхнул траву, давая понять, что мои действия в данном случае излишни... Или предупреждая об опасности.

Я запрокинула голову, повела носом. Пахнуло людьми и животными, похоже, лошадьми. И точно, буквально через минуту ко мне подъехала четверка всадников. Маленький вооруженный отряд, скорее всего, местные стражи порядка.

– Что здесь случилось? – сурово спросил один из них, придерживая разгоряченного коня.

– Ой, страшные дела, господин! – воскликнула я и залилась слезами.

Технически это оказалось несложно.

Мужчина, должно быть, глава отряда, дал остальным знак спешиться. Двое подошли к телу насильника, последний остался на месте, приняв поводья из рук офицера. Тот приблизился ко мне и соизволил-таки представиться:

– Я – Квентин Лотт, начальник охранного патруля. В Вилле обычно спокойно, но этой ночью мы решили объехать окрестности. Вижу, интуиция нас не обманула.

Голос его ощутимо смягчился, и я сделала для себя мысленную пометку – слезы молодой красивой девушки отлично действуют на мужчин. А Вилль, по-видимому, местный городок на окраине интересующего меня графства Торнфолк. Потому-то мой путь и начинался отсюда.

– Расскажи, что случилось.

Я для порядка всхлипнула, но рта открыть не успела: офицера окликнул один из товарищей:

– Квентин, тут тело! – И для пущей точности добавил: – Мертвое.

Взгляд, который перевел на меня Лотт, вновь посуровел. Радости от обстоятельств нашей встречи страж порядка явно не испытывал. И то верно: какой же это порядок с его-то позиции? Труп недавно задушенного мужчины, да незнакомая девушка, неведомо откуда взявшаяся на месте преступления. Порядок – это когда убийцы убивают, насильники насильничают, а добропорядочные граждане сидят по домам за семью замками.

– Так что здесь все-таки произошло? – свел брови офицер.

Я разрыдалась пуще прежнего.

– Да что ты, Квент, в самом деле? – К нам подошел один из тех, кто осматривал тело. – Видишь, девушка совсем разволновалась.

Похоже, при общении друг с другом члены отряда не слишком беспокоятся об иерархии. Оно и неудивительно: людей мало, все из крохотного городка, небось знают друг

друга с самого детства.

Парень осторожно погладил меня по голове. Этот в любовники не набивался, просто решил проявить участие.

– Сам посуди, – снова обратился он к главному, – мужика задушили – не отравили, не кинжал в спину всадили. Задушили, притом, похоже, голыми руками, а он вон какой здоровый. Думаешь, девчонка смогла бы?

– Ладно тебе, сам вижу, – проворчал Лотт. – Что ты на меня взъелся? Разобраться-то надо. А она – свидетельница.

– Расскажешь? – ласково спросил тот, что стоял рядом. Я кивнула, шмыгнув носом. – Вот и хорошо. Ты его знала? – Парень мотнул головой в сторону трупa.

– Нет. Он напал на меня. Снасиловать хотел. – Я снова всхлипнула и выпятила грудь, демонстрируя платье, которое эта зараза и вправду успела помять и даже надорвать по шву. Мужчины сочувственно закивали, поверили, стало быть. – А потом просто чудо произошло! Мужчина прискакал на белом таком жеребце. Молодой, знатный, наверное. Красивы-ы-ый. – Я романтично закатила глаза. – Спешился – и ка-а-ак оттолкнет этого мерзавца! Они ка-а-ак сцепятся в схватке! У меня душа в пятки ушла. А потом тот упал. А этот, красивый который, посмотрел на меня так, дескать, не бойся ничего, – я опустила очи долу, изображая смущение, – вскочил на коня и прочь ускакал. Я даже поблагодарить его не успела. – И теперь уже с надеждой подняла взгляд на Лотта. – А вы его правда найдете? А мне весточку послать смо-

жете?

– Тьфу ты! – сплюнул тот под ноги. – Вот только принца на белом коне нам искать не хватало. Ладно, парни, забирайте тело, и поехали. Тебя как звать? – спросил он, запрыгнув в седло.

– Тесс Вайт. Я из деревни у Малого озера. Там спросите, меня все знают.

– Спросим, если понадобится.

Я смотрела стражникам вслед и даже помахала рукой приветливому пареньку, когда он оглянулся. Ветер стремительно высушил слезы, на губах заиграла слабая улыбка. Не найдете вы в деревушке никакой Тесс Вайт, господин начальник охранного патруля. И за ее пределами лучше не ищите. Ни к чему оно вам. Возвращайтесь домой и вознесите молитву принцу Света за то, что спустились с холма спокойно и без потерь.

Глава 2

Вилль был тихим провинциальным городком, поэтому неудивительно, что любое событие вызывало здесь особое воодушевление. Сегодня таким событием явилась свадьба. Людское столпотворение вынудило меня задержаться, на время остановив свою колесницу (запряжена она была отнюдь не лошадью, как заведено у местных, но об этом позже). Однако я не в обиде, было даже любопытно понаблюдать за ходом этого нехитрого празднества.

Девушки принарядились, вплели в волосы белые, красные и оранжевые ленты, нацепили на шеи безвкусные, как по мне, бусы. Мужчины тоже постарались одеться поприличнее, получалось с переменным успехом. Поверх рубашек нацепили традиционные жилеты или кафтаны, а причесаться постарались даже те, кто обыкновенно не имел такой привычки.

Про жениха и невесту и говорить не стоит, эти, конечно же, были разряжены и довольны жизнью. От невесты прямо-таки веяло простым женским счастьем, коварно поджидавшим ее непосредственно за дверью храма. Жених улыбался до ушей, будто вся его жизнь не должна была перевернуться через каких-нибудь четверть часа...

Стоп, а это еще что такое?!

Я приняхалась. У людей нет органов чувств, которые мог-

ли бы воспринимать колдовство наподобие того, как слух засекает звук, а обоняние – запах. Но для меня это ощущение более всего напоминало нюх, и потому втянуть носом воздух показалось естественным. А жениха-то, оказывается, приворожили! И, как видно, добротное зелье использовали.

Пришлось приложить усилие, чтобы подобрать отвисшую челюсть. Вот это потеха! Вот вам и скучный провинциальный городишко! Может, он и стоит на отшибе, но страсти здесь кипят почище, чем в иных драматических пьесах. Нда, не позавидуешь парню. Очухается через несколько дней, недель – или месяцев, смотря когда женушка перестанет кормить его своим снадобьем, а деваться-то некуда. Жена перед принцем Света и людьми – это серьезно, а к тому времени, может, и дети будут на подходе. Девчонка как следует постаралась!

Я прищурилась, затейливо закусил губу. Пришла мне в голову одна идея. Отчего бы не поразвлечься? Вмешаться – и посмотреть, как люди поступят дальше. Я улыбнулась и незаметно щелкнула пальцами.

Жених споткнулся, заморгал, дезориентированно завертел головой, будто не мог взять в толк, как здесь оказался. Он, конечно, все помнил. И как делал предложение, и как пришел к храму, и даже как стоял здесь минуту назад со счастливой улыбкой идиота. Вот только теперь, когда спало колдовство, он оценивал события совсем иначе и отчаянно пытался сообразить, как докатился до такой жизни. С какой

стать надумал жениться, тем более именно на этом недоразумении в белом платье? Последняя мысль так отчетливо читалась на его лице, что я чуть не расхохоталась в голос. И подалась вперед, жадно впитывая чужие эмоции, стараясь не пропустить ни секунды из разворачивающегося перед храмом спектакля.

Невеста тронула жениха за плечо, встревоженно заглянула в глаза. Выглядело вполне естественно: беспокоится девушка за пошатнувшегося любимого. Но как минимум двое из присутствующих – она и я – точно знали, что причина ее беспокойства кроется в другом. Кто-то отпустил шуточку о страхе мужчин перед свадьбой. Кто-то решил обвинить во всем погоду: дескать, в такую жару и сознание потерять недолго. Остальные подхватили, предложили поскорее ступить под сень храма. Свадьба снова закрутилась-завертелась, одни запели, другие заторопились внутрь, подъехали новые гости, и среди шума, гама и мельтешения праздничных нарядов уже непросто было выловить бледное затравленное лицо жениха. Тем не менее я сосредоточилась именно на нем: все прочее было сейчас куда менее интересно.

Прошло не больше минуты, но, думаю, жених почувствовал себя постаревшим лет на десять. Эмоции менялись со стремительной скоростью. Сначала он был просто дезориентирован, потом удивлен, затем оказался на грани паники, а завершилось все обреченностью. Я разочарованно вздохнула. Вряд ли стоило ожидать от человека большего, но иногда

так хочется ошибиться... Увы. Должно быть, это недостаток всех социальных существ. Воспротивиться мнению окружающих можно, можно даже взбунтоваться, но лишь при определенных условиях. Не когда за тобой неотрывно следят десятки, если не сотни особей, и все ждут одного и того же, а у тебя нет времени, чтобы подумать и морально подготовиться.

И вот результат: мужчина покорно идет под венец, хотя больше всего на свете хотел бы оказаться сейчас за тридевять земель. С точки зрения любого суда, идет добровольно. Общественное давление не в счет. Можно отвергнуть девушку, отменить помолвку, даже не явиться на собственную свадьбу. Но уж коли явился – изволь действовать по плану. Не расстраивай гостей и будущих родственников. И плевать, что один короткий скандал перенести намного легче, чем бесконечные годы с нелюбимой женой. Разочаровать всех разом настолько страшно, что человек даже не осознает всю степень своего ужаса. Он просто не рассматривает подобный поступок всерьез. У этого страха очень древние корни. С тех пор, когда нарушителя спокойствия вполне могли закидать камнями, а еще раньше – попросту загрызть.

Что ж, факты налицо, парень практически сдался. Можно спокойно ехать дальше, дорога давно освободилась. И все же что-то в глазах жениха не окончательно потухло. Может быть, именно поэтому я решила дать ему последний шанс. И, перехватив его взгляд, кивком указала на пустовавшее место

в повозке. Больше ничего предпринимать не стала. Просто продолжила наблюдать, как он поступит.

Увы, как и следовало ожидать, представитель рода человеческого разочаровал – его взгляд быстро утратил заинтересованность. Отвернувшись, жених продолжил путь ко входу в храм, до которого оставалась всего пара шагов. Невеста лепетала что-то радостное, а он нервно теребил браслет, сплетенный из живых цветов, какие по традиции надевали новобрачные. Думаю, это украшение жизни символизирует недолговечность супружеского счастья. Я лично, во всяком случае, другого объяснения найти не могу. Видимо, степень взволнованности парня зашкаливала, поскольку он умудрился разорвать стебелек, и повядшие одуванчики тоскливо упали на ступени.

Такой же вялый, как и цветы, жених наклонился, чтобы поднять эту сомнительную ценность, и вдруг с неожиданной прытью ринулся прочь. Стремительно, не оглядываясь, огибая столпившихся у храмового крыльца гостей. Резво перемахнул через невысокий заборчик, словно специально тренировался по десять раз на дню, и запрыгнул ко мне в колесницу.

– Быстрее! – процедил он, оглядываясь через плечо, – море гостей беспокойно колебалось, и волна погони могла захлестнуть нас в любую секунду.

Я просияла и взмахнула хлыстом. Мое «животное», замаскированное под лошадь, этого даже не почувствовало.

Мысленная команда, вернее просьба, ибо силой такого коня не подчинить, сработала куда лучше, и мы помчались по пыльной дороге. Раштанг практически не нуждается в разбеге: это существо из мира Тьмы обожает скорость. Сейчас ему приходилось изо всех сил сдерживать себя, ибо если лошадь, в придачу запряженная в колесницу, наберет сто миль в час или, того лучше, полетит над землей, позабыв законы притяжения... Словом, люди могут неправильно это понять.

Зато они правильно поняли другое: жених буквально сорвался с крючка. Совершенно естественно, что это обеспокоило невесту и ее отца. А вот почему растревожились остальные... Вероятно, причина в том, что их лишили возможности порадоваться (читай: позлорадствовать) счастьем ближнего. Толпа всегда соображает туго, но уж если начинает действовать, лучше держаться от нее подальше. Каждый в отдельности может быть отличным парнем или обаятельной женщиной, но в сумме, вопреки всем законам математики, они представляют собой безумное и беспощадное существо. Еще один феномен человечества, не имеющий более-менее пристойного объяснения.

Так или иначе, вся ватага ринулась за нами в погоню, наиболее резвые оседлали коней или вскочили в собственные колесницы. Жених, развернувшись и крепко сдавив пальцами задний борт, с зубовным скрежетанием наблюдал за толпой.

– Быстрее! – рявкнул он, на сей раз почти командуя, но я

не обиделась. И с удовольствием передала раштангу просьбу ускориться.

Надо ли уточнять, с какой радостью он послушался?

Подставив лицо порывам прохладного ветра, я расхохоталась. Погоня шла полным ходом. Люди бежали, кричали, свистели, скакали, но, хоть некоторые и сумели сократить расстояние, догнать нас не могли. Колесница подпрыгивала на ухабах, улица стремительно убегала назад, впереди замаячил лес. Это было то, что нужно. Ради такого приключения точно стоило проехать через маленький тихий городок.

– Догонят, – покачал головой жених, всматриваясь в повозки особо ретивых преследователей.

– Никаких шансов, – осклабилась я.

Если мы с раштангом и позволили некоторым приблизиться, то лишь для того, чтобы не было слишком скучно.

– Послушай, Эйтан! – Парень лет двадцати пяти опасно перегнулся через край, в то время как возница управлял колесницей, не жалея бедолагу-лошадь. – Стой! Вернись, пока не поздно! Я понимаю, разволновался, со всяким может случиться. Но нельзя же так! Я тебе как друг говорю!

– Я тебя знаю всего три дня! Какой, к силам Тьмы, друг?! – проорал в ответ жених, даже не думая сдаваться.

Мы оторвались от преследователей, и он, развернувшись к погоне спиной, схватился за голову и простонал:

– Что за феерическая бессмыслица здесь творилась? Будто проснулся от кошмара, а твари из сна все равно за мной

гоняться. Или я сошел с ума? Один принц Света разберет.

– Принц Света здесь ни при чем, – авторитетно заявила я. – Князь Тьмы, кстати, тоже. Тут исключительно дело рук человеческих. Как и в большинстве случаев, впрочем. Твою невесту, к слову, как зовут?

– Лия, – удивленно ответил он, не вполне понимая, как мой вопрос связан с предшествующим разговором.

– Красивое имя, – порадовалась я. – И девушка привлекательная. Она, наверное, еще и готовит прекрасно. Ты как, ел у нее что-нибудь вкусное? Или, может быть, пил?

– Кофе пил, – признался парень. – Я к ее отцу по делу заходил. Столоваться неловко было, а выпить чашечку – святое дело. У них кофе особенный, со специями, иноземный.

– Ну да, ну да. И давно ты взял в привычку на это «святое дело» заскакивать?

– Да не помню точно, – снова удивился он. – Недели две, должно быть. Ну да, предложение я сделал ровно десять дней назад, стало быть, примерно так выходит... А зачем я его сделал-то?! Он в отчаянии запустил руки в волосы.

– А потому что кофе от приворотного зелья вкусный да забористый. Смекаешь?

Эйтан, хмурясь, поднял на меня глаза. Откинулся назад, приложив пальцы ко лбу. Как видно, картинка в мозгу сложилась быстро, и лицо его просветлело.

– А ты, похоже, права, – проговорил он наконец.

– «Похоже», – передразнила я. – Даже не припомню, когда

я в последний раз была неправа. Ты в то время еще на свет не родился.

– Слушай, а ты кто вообще такая? – подозрительно прищурился парень.

Видать, картинка складывалась даже лучше, чем я ожидала.

– Твоя спасительница, – констатировала очевидное я. – Можно сказать, ангел-хранитель. Тут я снова расхохоталась, представив, как скрежещут зубами настоящие ангелы, если, конечно, кто-то из них меня услышал.

– Это верно, – хмыкнул Эйтан, из чувства признательности отменяя свои подозрения. Во всяком случае, на время. – Но как тебя хоть зовут?

– Зови меня Арафель. А ты – Эйтан, это я уже поняла.

Он кивнул, хмурясь и все еще держась за голову. Внезапно его будто осенило.

– погоди, это что же получается, меня со свадьбы похитила девушка?

Его плечи начали легонько вздрагивать.

– Можно сказать и так.

На сей раз мы рассмеялись вместе. В глазах Эйтана все сильнее разгорался нездоровый блеск. Резкое снятие проклятия – а как еще, по-хорошему, назовешь приворот? – штука специфическая, немного напоминает алкогольное опьянение и вполне может ввести человека в состояние эйфории.

Я оглянулась. Последние из преследователей заметно отстали. Ветер, потешаясь, отчетливо доносил до нас их ругань.

– Ах ты, шлюха черноволосая! – не успокаивался кто-то. – Чтоб тебе всю жизнь хворалось, чтоб твой век был недолог, чтоб перед тобой ангелы двери в небесный чертог захлопнули!

Если первые два пожелания заставили меня лишь похихикать, то последнее не на шутку разозлило. Ангелы? Да чтоб я сама к ним сунулась? Была охота! Но уж если мне это зачем-то понадобится, кто из них меня остановит, хотела бы я знать? Нахмуренные брови сошлись на переносице; где-то вдалеке прогрехотал гром. Глаза мои прищурились и вновь широко распахнулись, а навстречу сквернослову полетело проклятие. Жить будет, конечно, не настолько тяжел его проступок, но ногу или руку сломает, это наверняка.

Эйтан ничего не заметил, разве только поднял глаза, стремясь понять, откуда надвигается гроза. Туч на предзакатном небе не углядел и снова обернулся, оценивая, как далеко мы ушли от погони.

– Ого! Ну у тебя и лошадь! – присвистнул он.

– Лучшая в королевстве! – с гордостью заверила я, не пускаясь в уточнения касательно подлинной природы скакуна.

– Аж ветер в ушах свистит! А еще быстрее может? – спросил Эйтан с азартом.

– С легкостью!

И с моего разрешения раштанг помчался во всю прыть. Преследователи окончательно скрылись из виду, а других желающих попутешествовать по позднему времени мы не встретили. Так что нам удалось полноценно насладиться сумасшедшей скачкой, вопя во всю глотку. И никто не увидел, как неестественно быстро мчится колесница, а главное, как время от времени она в буквальном смысле летит, не касаясь колесами земли...

Глава 3

Мы остановились глубокой ночью, когда даже мне стало трудновато удерживать равновесие в бешеной скачке, а мой спутник и вовсе зевал во весь рот. Его по-прежнему поддерживал эффект резко снятого проклятия, я же в принципе нуждалась во сне, равно как и пище, значительно меньше, чем настоящие люди. И все же человеческое тело требовало отдыха, так что пришлось попросить раштанга об остановке.

– Надеюсь, ты ничего не имеешь против ночлега под открытым небом, – предупредила спутника я, спрыгивая с колесницы. – Потому что даже если ты против, лучшего предложить не могу. Тут на многие мили вокруг ни одного трактира.

– Все что угодно, лишь бы не брачная ночь, – заверил Эйтан, действуя по моему примеру.

– Ха! Я полагала, мужчины к брачной ночи относятся иначе. Впрочем, ты в чем-то прав, – заметила я, распрягая раштанга.

На это занятие ушло некоторое время, а затем довольная сущность растворилась в темноте.

– Не боишься, что далеко убежит?

Эйтан, хмурясь, вглядывался в ночь, но, конечно, конского силуэта не увидел.

– Вернется, – уверенно отмахнулась я, и, недолго думая,

улеглась прямо на траву.

По темному небу плыли темные же облака. Тем не менее они были отлично видны, ибо тьма тьме рознь, а ее оттенков – неисчислимое множество, пусть человеческий глаз не всегда способен распознать разницу.

Кусочек неба заслонил плохо освещенный силуэт, зашуршала трава. Эйтан улегся поблизости, голова к голове, но под углом, так что соприкасались мы лишь волосами. Оба молчали, глядя на звезды и вместившую их бездну, и я сама не заметила, как глаза мои сомкнулись.

Проснулась я часа через два: в долгом отдыхе тело не понадобилось. Рядом никого не было, зато слух уловил умиротворяющее потрескивание. Приподнявшись на локте, я первым делом увидела в отдалении небольшой костерок, а затем и Эйтана, сидевшего на корточках и помешивавшего хворост длинной палкой. Я встала и, отряхнувшись, подошла поближе.

– Холодно? – спросила первое, что пришло в голову.

Сама я ни капли не замерзла, но это мало что значило. Других причин для ночного бдения у костра я не находила.

Мой спутник мотнул головой, закинул палку в огонь и сел, обхватив колени руками. Я устроилась поблизости.

– Как работает это... зелье? – спросил Эйтан, глядя на костер. – Сколько бы она меня им поила?

– Не умею читать мысли. – Это был не сарказм, просто констатация факта. Способностью к телепатии я не облада-

ла. Многое можно понять по человеческим поступкам, мимике и жестикуляции, но это иное. – Тут лучше спросить у нее. – Недавний жених невесело и откровенно скептически скривился. – Без зелья эффект слетает довольно быстро, так что, думаю, еще несколько дней она бы тебе его подавала. А вообще вопрос в том, чего она хотела больше: статуса супруги или «большой и чистой» любви. Первого она бы добилась уже сегодня, так что с зельем могла завязать хоть сразу. Ну, понял бы ты, что дал маху, а толку? Бракосочетание бы состоялось, как говорится, перед принцем Света и людьми. А вот если ей любви хотелось, тогда могла бы поить тебя и подольше.

– Хоть всю жизнь?

Я видела, как его передернуло. Либо все-таки замерз, либо второй вариант пугал его куда сильнее, чем неприятное озарение сразу после свадьбы.

– Хоть всю жизнь, – жестко подтвердила я, однако сочла возможным добавить ложку меда в бочку дегтя: – Но недолгую.

– Почему это? – удивился он и все-таки посмотрел в мою сторону.

– Ну, видишь ли... Как бы это сказать помягче... Приворотное зелье работает, конечно, неплохо, но для человеческого организма крайне бесполезно. Несколько дней – ерунда, недель – сносно, а вот за несколько месяцев отдал бы ты душу. Принцу или князю, не знаю, тут уж тебе виднее.

– То есть она меня еще и травила, – подытожил услышанное Эйтан.

– Некоторым образом. Вот знала ли она – вопрос другой.

– Ну, это уже лирика, – отмахнулся парень. – Знала, не знала, результат один.

– Это правда, – вынуждена была согласиться я. – Но разве тебе как человеку не легче от осознания, что «она это не нарочно»?

Он нетерпеливо передернул плечами.

– Не нарочно всякую дрянь в кофе не подсыпают. Сходил, называется, подлатать семейную реликвию, чтоб ее!

– О, у тебя есть семейная реликвия? Какая? – оживилась я. – Колдовской перстень? Бутылка, в которой, если очень хорошо поискать, можно раскопать джинна? Прядь с головы какого-нибудь великомученика? А может, даже перо настоящего ангела?

– Странная ты какая-то, – проговорил он, склонив голову набок и искоса меня рассматривая. – Почему перо, почему ангела?

– Знал бы ты, сколько я таких реликвий повидала! – фыркнула я. – Складывается такое чувство, будто какого-то бедолагу из Чертогов Света поймали на земле и буквально ощипали как курицу, чтобы в каждом храме имелась своя святыня. Но ты не обращай внимания, просто к слову пришло. Так что у тебя за реликвия?

– Вообще-то их несколько, но я имел в виду меч. – Эйтан

пожал плечами почти виновато: видно, после моих предположений его вариант звучал слишком уж обыденно. – К оружейнику я его носил регулярно, но инкрустация совсем старая. Я тянул-тянул, потом решил, что камень все-таки надо поменять. А отец Лии – ювелир, и талантливый, князь Тьмы его дери! Ну вот заглянул, договорился. А во второй раз зашел работу принять. Заодно кофе попил... заморский.

– Быстро ты покоришь девичье сердце. Чем, не подсказешь? – Я с интересом подалась вперед. – Богат? Знатен? Ну, раз уж реликвии у тебя и все такое.

– Да ничего практически не осталось. – Эйтан заложил руки за голову и потянулся так, что хрустнули позвонки. – Замок – одно название. Стены есть, внутри пусто. Две приличные жилые комнаты, остальное не в счет. Земли у нас неплодородные, дохода с них кот наплакал. Так что деньгами я Лию привлечь не мог. У ее папаши их куда побольше будет.

– Значит, титул, – удовлетворенно протянула я. Нет, в целом удивляться мне нравится, но, когда вещи легко объясняются, тоже по-своему приятно. – Хотя, может, она и на тебя самого запала. Ты в целом ничего. – Я критически оглядела крепкую фигуру, затем переключилась на лицо – четко очерченные скулы, карие глаза, густые брови, в данный момент не то насмешливо, не то скептически приподнятые. – Да, пожалуй, сам ты ее тоже устраивал. Но во внезапно нахлынувшую любовь не верю.

– А уж я-то как не верю... – Эйтан подхватил с земли оче-

редную ветку, сломал на две части и бросил в огонь.

Я вдруг осознала, как громко трещат кругом кузнечики. Повернула голову направо, и стрекот с той стороны резко стих. Но стоило мне вновь посмотреть на костер, как вдохновенный концерт возобновился.

– Отомсти ей, – азартно предложила я.

– Лие? Зачем?

– Ну как «зачем»? – Меня буквально-таки возмутил его вопрос. – Люди часто мстят обидчикам. Утрата приносит с собой пустоту, а месть позволяет ее заполнить.

– И это помогает? – скептически поинтересовался Эйтан.

– Как тебе сказать... Не очень, – вынужденно призналась я. – Обычно сразу после отмщения пустота возвращается. А отделаться от нее становится еще труднее.

– И какой тогда в этом смысл? Пусть живет, как жила. У нее своя жизнь, у меня своя. Лишь бы дороги больше не пересекались.

– Слушай, а белые крылышки ты случайно под рубашкой не прячешь? – огрызнулась я.

Определенно, попутчик становился неинтересным. Не терплю святош.

– Давай проверим. – С этими словами он стянул через голову рубашку.

Я от души расхохоталась, запрокинув голову. Ладно. Реабилитировался. Люблю тех, кто способен на неожиданный ход.

– Что дальше делать собираешься? Раз уж не вынашиваешь кровавые планы?

– Не знаю, – не без раздражения отозвался Эйтан. Видно, и сам задавался этим вопросом, но к вразумительному ответу так и не пришел. – В Вилле мне по понятным причинам в ближайшее время появляться не стоит. Выслушивать мнение каждого встречного-поперечного – дело неблагодарное, боюсь, мне не хватит выдержки, и дело кончится поединком. А зачем мне эти сложности?

– Ты слишком часто задаешься вопросом «зачем». Жить надо спонтанно, под настроение. Выбирать ту дорогу, по которой ноги сами поведут.

– Именно этим я и собираюсь заняться. Наймусь к кому-нибудь на службу. Продамсья, так сказать, на годик-другой. Глядишь, за этот срок здесь все подзабудется, а может, и я заодно разберусь, как дальше жить и что делать.

– Неплохая идея, – одобрила я. – Ты все меньше и меньше похож на ангела.

– Ты так говоришь, будто это хорошо, – прищурился он.

– Это прекрасно!

Тело затекло – одно из неудобств человеческой оболочки. Я сменила позу, вытянула ноги – острые травинки сразу же начали покалывать лодыжки, – оперлась руками о землю и посмотрела вверх.

– А ты сама? – сквозь пелену задумчивости прорвался мужской голос.

– Что? – Я непонимающе повернулась к Эйтану.

– Что ты собираешься делать? Куда вообще направляешься?

– А-а-а, – протянула я, снова вскидывая лицо к звездам. – Я в Раунд еду.

Мой спутник присвистнул: это был самый крупный город графства Торнфолк, на границе которого, собственно, и лежал Вилль. Местная столица приобрела свое название из-за того, что разрослась вокруг одинокого когда-то замка.

– И что тебе там понадобилось?

– Хочу познакомиться с Энтони Вильямом Блейдом, графом Торнфолкским, – не стала лгать я. – Очень меня его личность занимает.

– Ого! У тебя губа не дура.

– Конечно нет. – Такое «открытие» показалось мне забавным, и я рассмеялась. – Своего точно не упущу.

– И зачем же тебе понадобился граф? Может, ты замуж за него собралась?

– А мало ли! – фыркнула я. – Почему бы и нет? Или думаешь, я для него недостаточно хороша?

Если не хочешь давать ответ на вопрос по существу, лучшая тактика – своевременно увести разговор в иное русло.

– Да нет, с чего бы? Я его, правда, никогда не видел, но, думаю, наоборот, слишком хороша.

– Твое разбитое сердце быстро восстанавливается! – с одобрением заключила я, вытянув в его сторону указатель-

ный палец. – Уже отпускаешь ничего не значащие комплименты дамам.

– Да при чем тут сердце? – Эйтан скривил такую физиономию, будто к его ступням приложили раскаленный докрасна прут. – Слушай, я вот что подумал... – Он поглядел на уходящую в лес дорогу, где давненько исчез из виду раштанг. – Может, мне тоже с тобой в Торнфолк отправиться? Мне ведь, в сущности, все равно, куда идти. А к графу вполне можно наняться на службу. В больших городах люди всегда нужны. И путешествовать вдвоем веселее. Что скажешь? – Отличная идея!

Мысль и вправду была хороша. Я недостаточно хорошо знала местные людские повадки, поэтому подкованный спутник был совсем не лишним. А Эйтану некуда идти, и я, по сути, обеспечивала ему маршрут. А заодно – средство передвижения, так что он выигрывал вдвойне. Но места в колеснице хватало, раштангу не тяжело, так что мне не жалко.

А между тем пламя сыто трещало, ненавязчиво освещая лицо спутника и его обнаженный торс. В теле снова всколыхнулись инстинкты, но я не успела разобраться, что к чему, когда мужские губы коснулись моих. Впрочем, понял ли что-нибудь сам Эйтан, тоже вопрос. Недавние треволнения, ночное бдение, азарт погони, эйфория сброшенного заклятия – такая гремучая смесь кого угодно собьет с толку. К тому же близость таких, как я, ослабляет рамки, в которые люди запихивают себя, чтобы соответствовать требованиям

общества. Я, правда, старалась держать свои природные способности в узде – так сказать, наложила на себя собственные рамки, – но, может, ненадолго дала слабину.

На поцелуй я не ответила. Слишком давно не была на земле, и с непривычки это занятие показалось мне странным. Но шею Эйтана обвила охотно. Он заглянул мне в глаза, видно, пытался разобраться в этом несоответствии и определить степень моей благосклонности. И, наверное, увидел что-то такое, что позволило ему продолжить. Однако повторять неудачный опыт не стал. Мягко, как ищущий молоко щенок, коснулся губами моего лба, виска, макушки. Тело откликнулось сладкой истомой. Я глубоко вдохнула будоражащий, одуряющий запах мужского тела, довольно мурлыкнула и, чуть изогнувшись, жадно лизнула его кожу.

Скажи я ему сейчас, кто такая на самом деле, Эйтан бы, наверное, в ужасе бежал со всех ног, решив, будто его плотью собираются полакомиться. Но парень не имел ни малейшего представления о том, с кем связался, и потому, шумно выдохнув, взял меня за подбородок, вынуждая поднять голову. Порочная полуулыбка, похоже, пришлась ему по вкусу. Он немного потерзал губами мочку уха, постепенно спустился ниже и припал к шее, точно вампир. Настоящего вампира я бы, конечно, почувствовала, да и цели у этого парня были иные, но сравнение все равно показалось подходящим. По телу пробежала волна дрожи, чувство предвкушения перекачивало через край, как волны во время прилива. Я не от-

казала себе в долгом сладком стоне. Уж мне-то нет причин придерживаться чьих бы то ни было рамок и представлений о приличиях.

Ясное дело, мужчину такая реакция только раззадорила, он стал прокладывать дорожку из жадных поцелуев все ниже и ниже, приспустил платье, впился губами в оголившееся плечо и предпринял попытку добраться до груди. Сладкое предвкушение смешалось с раздражением: если он так внимательно станет относиться ко всем частям моего тела, эдак мы до самого утра не управимся! Захотелось схватить его за шкурку, встряхнуть пару раз и заставить приступить к главному, даже если будет отпираться. Странно, вроде бы раньше я не была такой нетерпеливой. Похоже, сказывались долгое отсутствие на земле и новая оболочка.

Встряхивать бедолагу я, конечно, не стала, но поняла, что дело надо брать в свои руки, и, решительно стянув платье, отшвырнула его на ближайшую ветку. Кажется, это оказалось подальше, чем могла бы закинуть обычная женщина, но, слава князю Тьмы, Эйтан сейчас на такие мелочи внимания не обращал. Еще какое-то время я позволила ему поиграть с моей грудью, готовая по-волчьи выть от задержки, но одновременно получая от нее непонятное, не иначе мазохистское, удовольствие. Ощупывая его тело, царапнула коготками спину, поднесла палец ко рту, слизнула капельку теплой крови, и глаза буквально заволокло пеленой тумана. К счастью, партнер и сам медлить не собирался.

В момент проникновения я чуть не закатила глаза от удовольствия. Напряжение вновь стало нарастать. Я обвила ноги вокруг мужских бедер, обхватила руками спину, на которой наверняка появлялись новые царапины. Темп все усиливался, острота чувств дошла до высшей точки, это были уже не волны, а цунами, мощный заслон от окружающего мира, лишаящий смысла все, что творится там, за его пределами. А потом словно резко отпустили сжатую до предела пружину, высвобождая скопившееся напряжение. Наши тела сотрясла дрожь, а затем наступила блаженная умиротворенность. И сон пришел очень быстро.

Когда я проснулась, солнечный диск успел подняться достаточно высоко, чтобы утратить рассветную красноту. Раштанг стоял поблизости и делал вид, будто щиплет траву, как и подобает приличной лошади. В действительности же он то и дело принюхивался и раздувал ноздри, словно учуял запах крови.

Я вскочила, поскольку лежать на колкой траве оказалось не слишком приятно. Отряхнулась и только тут заметила Эйтана. Замерев в нескольких ярдах от меня, он гневно сверкал глазами, словно выявил преступницу. Неужто догадался о моем демоническом происхождении?

– Ты – девственница! – обличительно выдохнул он в ответ на мой вопросительный взгляд.

Ах ты ж... Теперь кое-что стало понятно. И повышенный интерес раштанга, и рыжеватые пятна на траве. Надо же, а

я ничего такого не почувствовала. И вообще совсем об этом забыла. Но, если вдуматься, в данном конкретном теле я ни разу не имела дела с мужчинами – до прошлой ночи.

– Теперь уже точно нет, – безразлично пожала плечами я.

– И что все это значило? – выдохнул парень. С моей точки зрения, намного эмоциональней, чем следовало. – Ты с самого начала все подстроила? Чего ты хочешь? Чтобы я на тебе женился? Я же как честный человек теперь обязан это сделать, верно?

– У-у-у, кажется, у кого-то выработался пунктик после вчерашнего, – понимающе протянула я. – Не беспокойся, честный человек, не всем женщинам этого мира приспичило захватить тебя в мужья. Так что не страдай.

Теперь он взирал на меня менее уверенно, но все еще крайне подозрительно. Я, по-прежнему нагая, шагнула вперед и вытянула в его сторону руку.

– Меч есть? Или хоть что-нибудь более-менее острое?

– Зачем?

Эйтан, похоже, отчаялся гадать, каких поступков ожидать от моей персоны.

– Хочу тебя зарезать, чтобы никому не достался, – тоном «Что здесь непонятного?» откликнулась я.

Он недовольно поджал губы: кому же понравится, когда над ним смеются?

– Меч остался у моего дорогого несостоявшегося тестя. Не тащиться же с ним было на свадьбу. Кинжал есть.

Меч, значит, на свадьбу нельзя, а клинок покороче – пожалуйста? Очередная непонятная человеческая выдумка. Но в принципе мне было все равно: сгодится и кинжал, даже удобнее.

– Давай сюда.

Эйтан для порядка еще немного посверлил меня глазами, но затем все же наклонился к своему поясу, по-прежнему валявшемуся на земле, вытащил оружие из ножен и передал мне. Не раздумывая и не колеблясь, я сделала на своем запястье довольно глубокий порез. Раштанг всхрипнул, кровь обильно заструилась по руке, закапала на траву. Красное на зеленом – красивое сочетание, тем более когда и то, и другое символизирует жизнь. Нет, даже не так: является самой жизнью.

– Клянусь перед лицом князя Тьмы, что не стану выходить за тебя замуж, – торжественно объявила я. – Пусть шрам, который останется у меня на руке, будет тому свидетельством. – Потом подошла к ошалевшему Эйтану и, сунув руку в его ладонь, будничным тоном полюбопытствовала: – Так подойдет?

– Ты точно ненормальная, – покачал головой он, глядя мне в спину, пока я, оттолкнув морду раштанга, шагала к своему платью.

Я фыркнула ненамного тише, чем незадолго до этого моя мнимая лошадь.

– Как по мне, это вы здесь все ненормальные.

– Кто «мы»? – недоумевающе переспросил Эйтан и даже огляделся на всякий случай. Не обнаружил никого, кроме раштанга, и убежденно подытожил: – Ты странная.

Глава 4

Следующим городком, через который мы проехали, оказался Таун. Пришлось заложить порядочный крюк, чтобы туда попасть. Вчера мы основательно отклонились от маршрута, поскольку сосредоточились на том, чтобы уйти от погони, а затем на ощущениях от стремительной езды. Как по мне, все отлично, но теперь приходилось наверстывать упущенное, возвращаясь к цивилизованным местам. Моему спутнику, незапланированно бежавшему со свадьбы, требовались кое-какие вещи. Мне тоже не мешало кое-чем закупиться (к примеру, обзавестись сменным платьем), но, главное, требовалось отточить навыки общения с людьми и вообще жизни в человеческом поселении. Я надеялась не привлекать к себе внимания странностью и неадекватностью поступков (с позиции аборигенов) к тому моменту, когда мы доберемся до Торнфолка.

Таун немногим отличался от Вилля, разве что был чуточку крупнее. Те же узкие улочки, лишь немногие из которых удостоились чести быть вымощенными неровными камнями. Те же дуги деревянных мостиков над мелкими ручьями. Такая же площадь перед центральным городским храмом с высоким черным шпилем, врезавшимся в небо наподобие острого копья. Правда, здесь в придачу имелся небольшой фонтан, изображавший странную пирамиду из

рыб, которым отчего-то вздумалось запрыгнуть одна на другую. Из рта верхней текла тонкая струйка воды.

– Пожалуй, я подожду здесь, – бодро заявила я, опуская руку в бассейн, чтобы умыть лицо после пыльной дороги.

Моему спутнику приспичило зайти в местную церковь. Причину он объяснил: дескать, хочет отблагодарить принца Света за свое счастливое спасение от брака. Я, со своей стороны, не понимала двух вещей: во-первых, при чем здесь принц Света, а во-вторых – почему для этого нужно обязательно тащиться в храм. Ну, сказал бы «Спасибо!» в сердце своем – и все, пошел заниматься насущными делами. Так нет, Эйтан настаивал, более того, ему взбрело в голову зазвать меня с собой.

– Почему? – недоуменно спросил он. Наивная реакция, которая заставила меня раздраженно возвести глаза к небу. – Это совсем ненадолго, а в здешнем храме, говорят, очень красивые фрески. И еще вроде бы хранится какая-то реликвия, точно не помню, кажется, что-то, связанное с пророком Иокином.

Я прыснула со смеху. Помню этого пророка, тот еще был зануда. Интересно, что у них здесь хранится и подлинное ли оно.

– И потом, тут приезжих не так много, на тебя все будут пялиться, – выдал очередной аргумент Эйтан.

Все доводы в совокупности заставили меня скрепя сердце согласиться. Но к церкви я приближалась медленно и

неохотно. Спутник то и дело оборачивался, останавливался, поджидая, когда я его нагоню, и удивленно хмурил брови. Однако особого значения моей неторопливости не придавал: должно быть, решил, что я устала с дороги.

К счастью, когда мы переступили порог (действие, давшееся мне нелегко), он занялся своими делами: прошел к одному из отведенных для молитв мест, начертил указательным пальцем невидимый круг в центре своего лба и опустил на колени. Я же начала потихоньку осматривать внутреннее убранство. Чувствовала себя при этом крайне напряженно. Нет, здесь мне ничто не угрожало. Я не могла рассыпаться в пыль, принять форму дикого зверя или заверещать от невыносимости одновременной молитвы десятков праведников. Все это не более чем выдумки и суеверия. Просто мне было неуютно – как гостю, без спросу вошедшему в дом, где ему не рады.

Я опасливо покосилась на статую очередного ангела. Надеюсь, тот, кто на ней изображен, не смотрит на меня сейчас с ехидной улыбочкой. Дескать, что, Арафель, не справляешься без нас, даже сюда заявила? Пришлось сжать губы, вдохнуть поглубже и пройти мимо. Ну, где здесь раздают мощи Иокина? Должна же я на них посмотреть, раз уж так сложилось.

Внезапно одна из тихонько молившихся в стороне старушек, невысокая, сгорбившаяся и, казалось, еле-еле передвигавшаяся, встрепенулась и отстранилась от меня с выраже-

нием ужаса и одновременно решимости на морщинистом лице.

– Сгинь, нечистая! – воскликнула она и принялась ожесточенно выводить пальцем круги. Сперва на своем лбу, и это бы еще ладно, но затем она потянулась к моему.

Круг, совершенная форма, считался символом принца Света. Сам по себе знак меня не смущал, но вот внедрение в мое личное пространство – очень даже. Хорошо еще, что мы находились в темном углу, храм вообще освещался довольно слабо: эффект узких окон с цветными витражами.

– Что с вами, тетушка? – раздраженно осведомилась я, отклоняясь и одновременно пытаюсь разгадать причину такой своеобразной реакции.

Ей ведь неоткуда знать, кто я такая, так почему же...

И тут мой взгляд упал на очередной элемент церковного интерьера, прямоугольное зеркало, делившееся на четыре равных разноцветных квадрата – зеленый, желтый, красный и синий. В таком сочетании тоже заключалась какая-то символика, но поскольку цвета – понятие иллюзорное и существуют исключительно в восприятии отдельных живых организмов, разбиралась я в этом вопросе плохо. Важно другое: пусть и цветные, стекла не утратили своих обычных свойств. А я, вот беда, в зеркалах не отражаюсь.

Конечно, когда я отправлялась на землю, мы с повелителем об этом позаботились: благодаря моей физической оболочке в обычном зеркале меня можно было увидеть. Но в

церкви, в доме принца Света, наши ухищрения не действовали. И какого же ангела меня потянуло сюда зайти?! А, главное, до чего наблюдательная попалась старушечка!

– Сгинь, нечистая, сгинь! – все никак не унималась она.

Я с опаской огляделась, совершенно не желая привлекать всеобщее внимание.

– Кто из нас чище – это еще неизвестно, – буркнула я в ответ.

– Исчезни! Рассыпья!

Старушка так отчаянно чертила круги, что я удивлялась, как у нее до сих пор не отвалился палец. Похоже, она значительно крепче, чем кажется на первый взгляд. Внезапно ее, похоже, осенила гениальная мысль. Покопавшись в сумочке, она извлекла оттуда ни больше ни меньше как заранее очищенную головку чеснока.

– Замечательно! А ржаной хлеб у вас там тоже припасен? – поинтересовалась я, но женщина и не думала слушать.

Вместо этого запихнула себе в рот целый зубчик – и даже не поморщилась! – остальными же принялась размахивать перед самым моим носом.

– Чеснок всю нечисть из святого храма изгонит! – убежденно прошипела она.

– Вы таким запахом всех из храма изгоните, включая священника, – не менее убежденно парировала я.

Все эти пляски и размахивания порядком мне надоели, так что, не выдержав, я схватила старую каргу за шкуру и

потащила к выходу. Весила она не слишком много, да и сил у меня предостаточно, если умышленно не сдерживать себя в рамках человеческих возможностей. Оказавшись на улице и мельком оглядевшись, я сочла, что площадь слишком близка к храму, а, значит, вернее будет переправить ярую ревнительницу веры куда-нибудь подальше, чтобы она наверняка не юркнула обратно.

Неожиданно кто-то схватил меня за плечо.

– Эй, Арафель, что ты делаешь?!

– То, что надо! – процедила сквозь зубы я. – Перевожу старушку на другую сторону улицы. Кажется, у вас это считается добрым делом!

– Но не тогда, когда она упирается! – возмутился Эйтан.

– Да? Ну ладно. Может, ты где-то прав, – признала я, задумчиво наблюдая, как отпущенная старушенция улепетывает со всех ног. – Кажется, помощь ей действительно не нужна. Хорошо бежит! По-моему, она помолодела лет на десять.

– А что это с ней?

Мой спутник хмурясь смотрел вслед удаляющейся мольчице.

Я неопределенно пожала плечами.

– Похоже, я хорошо влияю на людей. Ну как, ты закончил свое общение с принцем? Можем продолжить путь?

– Да. Конечно.

Эйтан кинул последний взгляд в том направлении, где уже

исчезла из виду старушка, и последовал за мной к заждавшемуся раштангу.

Монастырские стены – каменные, массивные, местами поросшие мхом, строившиеся явно давно и готовые к попытке не только осадой, но и временем, – встретили нас на удивление дружелюбно. Солнце клонилось к закату, иных мест для ночлега в округе не наблюдалось, и мы решили постучаться сюда. Принято было считать, что в таких местах всегда рады накормить путника и предоставить ему ночлег.

Ворота и вправду открыли быстро. Монахиня, женщина лет сорока – сорока пяти в традиционном черном платье с белыми вставками и черно-белом апостольнике под стать, встретила нас весьма приветливо, пригласила внутрь и пообещала покой и приют. Первого мы не просили, зато второе было кстати, так что в общем и целом я осталась довольна.

В монастыре, в отличие от церкви, я чувствовала себя комфортно. Храм – это дом принца Света, монастырь же, при всей его важности для религии, – жилище людей. Монастыри бывают разными (женскими или мужскими – лишь самое малое из различий): светлыми, дарящими человеческим душам чувство покоя, или суровыми, вселяющими страх перед загробной жизнью; островками подлинного благочестия или прикрытием для мира интриг и жестокой борьбы за власть. Люди, жившие в монастырях, также бывали самыми разными, равно как и приводившие их туда причины. Имен-

но этот аспект вызывал в данный момент мой живейший интерес.

Внутри нам пришлось разделиться. Путников мужского пола за ворота пускали, но в жилые помещения им ходу не было, так что Эйтану предстояло столоваться и ночевать в некоем подобии военной палатки, раскинутой для таких целей на широком дворе. Помогать ему вызвали местного то ли сторожа, то ли древодела, я толком не разобралась. Меня же провели по располагавшейся на улице лестнице на второй этаж. Сперва я оказалась на террасе, прикрытой от дождя широким навесом, а затем в комнате не совсем понятного назначения: для кельи она была слишком велика, для трапезной – чересчур мала. Судя по деревянному столу, она все же предназначалась для еды – возможно, в тех случаях, когда несколькими монахиням доводилось завтракать или ужинать отдельно от остальных.

В комнате нас было шесть: четыре послушницы, одна монахиня и я. Меню состояло из кружки воды, ломтя черного хлеба и... нескольких головок чеснока. То ли данный овощ стал на земле любимым блюдом, то ли всюю использовался как средство обнаружения демонов. Если цель гостеприимных хозяек заключалась в последнем, можно сказать, она была достигнута: к чесноку я не притронулась. Терпеть не могу его запах, и к моей, вне всякого сомнения, демонической сущности это ни малейшего отношения не имеет.

Впрочем, к чести местных обительниц надо сказать, что

шума они по данному поводу не подняли, и силой меня накормить не пытались. Обстановка царила довольно доброжелательная. Послушницы – те вообще сгорали от любопытства, желая побольше узнать от человека извне, а заодно просто поболтать о том, о сем. Присутствие монахини являлось помехой: при ней не скажешь всего, что хочется. Приходилось ограничиваться общими, ничего не значащими и «политически выдержанными» фразами. Но у такой проблемы (как, впрочем, и у любой) имелось решение.

– Сестра Кеминья! Мне, право, неловко вас о таком просить... – проговорила я, нервно теребя пальцы рук, – но мой спутник, тот, что остался внизу... Видите ли, он повредил ногу во время пути: то ли подвернул, то ли вывихнул, то ли просто ударился. Трудно сказать. Это точно не перелом, но, возможно, ему все-таки требуется помощь.

Слова мои, разумеется, были ложью от начала до конца, но, полагаю, излишне объяснять, что я по такому поводу не переживала.

– Не беспокойтесь, госпожа, мы это проверим. В монастыре никогда не закроют глаза на человеческие страдания. Я сама спущусь и спрошу его о самочувствии. И, если понадобится, пришлю нашу целительницу. Она отлично справляется с такой работой.

– Благодарю вас, сестра Кеминья, – ответила я, скромно потупившись.

Повезло, что монахиня удалилась сама, а не отправила с

поручением кого-нибудь из послушниц. Теперь можно было пообщаться, так сказать, без сдерживающих факторов.

— Ну что, — оживилась я, — как нынче живется в обители?

И подбадривающе подмигнула, давая понять, что здесь все свои.

— Тихо, покойно, несуетно, — ответствовала девушка крепкого телосложения, из-за широкой кости казавшаяся полной.

Апостольник надежно скрывал ее волосы, но я была убеждена, что она носила косу — как минимум до удаления в обитель.

Мое лицо приняло чрезвычайно кислое выражение: послушница выражалась так, словно монахиня вовсе не уходила. Или, к примеру, осталась стоять за дверью. Однако на людское присутствие у меня чутье, а потому я не сомневалась: снаружи никто не подслушивает.

— Благостно, — с умиротворенной улыбкой произнесла вторая, из-под платка которой неосторожно выглядывал краешек черной пряди.

Нет, они тут нарочно решили меня доконать! Прямо не люди, а ангелицы во плоти! Захотелось выйти наружу и развеяться, хотя бы в переносном смысле, а может, и в буквальном.

— Скучно, — неожиданно ответила третья послушница, буквально возвращая меня к жизни. — Ничего не происходит, каждый день похож на предыдущий.

– Не просто скучно, тошно! – подхватила последняя, самая низенькая, но от того не менее бойкая. – Вы спрашиваете, как живется, а нет здесь никакой жизни! Тоска беспроектная.

Крупная девушка покосилась на нее неодобрительно, хотя теперь это неодобрение казалось напускным. Послушница с выбившейся прядью улыбнулась без тени осуждения.

– Вы в обитель пришли недавно, – обратилась она к рискувавшему выразить свое недовольство. – Не успели пока привыкнуть. Здесь жизнь совсем другая. Такие перемены, да за две-три недели, принять невозможно. Тут свыкнуться надо, почувствовать, осмыслить. А пока, конечно, нелегко, – сочувственно вздохнула она.

Ну вот и проповедь. Полная непоколебимость во взгляде в сочетании с искренней заботой о ближних. Убийственная комбинация.

Я отвернулась, предпочтя сосредоточиться на других послушницах.

– И как же вы здесь оказались?

– Я – младшая дочь из четырех, – откликнулась низенькая. – На сестер приданое кое-как наскребли, а на меня уже не хватило. Вот и отдали сюда, чтобы как-то пристроить. – Она пожала худыми плечиками, развела руками, мол, такая история, хотите осуждайте, хотите нет.

– А я старшая, – грустно усмехнулась та, что была сложена крепче остальных. – А конец тот же. – Другие послушницы

сочувственно покивали, видимо, уже знали эту историю. Но мне-то продолжение известно не было, поэтому девушка пояснила: — У нас пока старшая дочь замуж не выйдет, остальным тоже нельзя. Ни на бал сходить, ни познакомиться, ни уж тем более помолвку сладить. А я некрасивой уродилась, никто в жены брать не хотел. Вот, чтобы младшие в невестах не засиделись, меня сюда и отправили.

— Это что же за родители такие? — сердито прищурилась я.

Материнский инстинкт мне чужд, и я не вполне понимаю людей, добровольно обрекающих себя на долгие годы мучений, каковыми мне представляются забота о ребенке и его воспитание. Однако не хочешь детей — так и не заводи их, живи в свое удовольствие. А уж коли завел, изволь испить свою чашу до дна. Негоже выбрасывать из жизни того, кто в этом мире и постоять-то за себя толком не может. За такие поступки в посмертии очень малопривлекательно бывает. Уж я-то знаю. Впрочем, стоит ли ждать посмертия?

— А как родителей зовут? — как бы между делом полюбопытствовала я. — Далеко ли живут?

— Далеко ли, близко, уже неважно, — махнула рукой невысокая. — За этими стенами — все равно что за тридевять земель.

Ее вмешательство увело разговор в сторону от моего вопроса и тем самым спасло семью старшей дочери от крупных неприятностей вроде пожара, урагана или землетрясения, каковые я не преминула бы им устроить.

– Гиены это, а не родители, – убежденно заявила послушница, прежде признавшаяся, что жить в обители скучно. – Впрочем, и у Барбары не лучше.

Она покосилась на младшую дочь, которую сдали в монастырь за неимением приданого.

– Родители Барбары хорошего для нее хотели, защитить пытались, – горячо возразила послушница с выбившейся прядью. – У незамужней женщины в миру одни неприятности. Вот и отправили ее сюда, чтобы оградить от тяжелой доли.

– Ты-то откуда знаешь, Агна? – фыркнула та, чью семью у меня руки чесались покарать. – Можно подумать, ты много в миру жила.

Как видно, проповеди брюнетки и ее неиссякаемая вера в хорошее бесили не одну меня.

– Я сирота, – спокойно пояснила она, когда я вопросительно изогнула бровь. – Живу в обители с детства. Мне монахини семью заменили.

– А ты как сюда попала? – нетерпеливо обратилась я к четвертой послушнице. – Тоже родители отправили?

– Нет, я сама пришла.

Девушка замолчала, глядя в окно, и Барбара вскоре добавила:

– Любовь у нее несчастливая случилась. Сначала жениться обещал, потом бросил.

Может показаться странным, что девушки столь охотно

делились со мной, совершенно посторонним человеком (и даже не совсем человеком), своими и чужими секретами. С другой стороны, такое поведение естественно, учитывая, что им не с кем было пообщаться, кроме как друг с другом. В придачу я слегка дала волю своей сущности, дабы послушницы раскрепостились в моем присутствии быстрее, чем это произошло бы при обычном течении событий. Сочла, что им не помешает сбросить с себя на время налет условностей. Не полностью сбросить, конечно, а так, слегка приспустить.

– Ну и что? – удивилась я. – Разве это повод уйти в монастырь? Пырнула жениха ножом, да и дальше пошла.

Послушницы, включая даже идеалистку с прядью, сдержанно улыбнулись, из чего я сделала печальный вывод: они уверены, что это шутка. Хотя я говорила совершенно серьезно.

– Она права, – заметила старшая дочь. Правда, имела в виду, конечно, не нож. А жаль. – Такой мужчина любви недостойн.

– Это точно, – согласилась я, устраиваясь поудобнее и вытягивая ноги. Видимо, такая поза считалась неприличной, поскольку девушки растерянно переглянулись. – По мне, уж если влюбляться – то только в идеал. Ангела во плоти.

– Так в чем же дело? Влюбись в меня!

Этот голос никто, кроме меня, не услышал, как не увидел и его обладателя – наглую смазливую мужскую особь с белыми крыльями и невероятно самодовольной ухмылкой на

лице.

Я зашипела. Бесшумно, если можно так выразиться, ментально.

– А что такого? – продолжал глумиться вольготно расположившийся на подоконнике пернатый. – Я же ангел, самый что ни на есть настоящий. Правда, не во плоти, но, как говорится, у каждого свои недостатки. К тому же это можно исправить, если очень понадобится.

– Ты мне уж точно не понадобишься, Матаризель, – процедила я. – Зачем ты вообще сюда притащился?

Общение по-прежнему проходило телепатически, так что девушки не слышали ни слова. Правда, они могли заметить, что выражение моего лица изменилось, а внимание к общей беседе свелось к нулю. Впрочем, могли и не заметить, если были в должной мере увлечены разговором.

Матаризель запрокинул голову и от души расхохотался.

– Пришла, можно сказать, в обитель Светлого – и спрашиваешь, зачем сюда притащился я?

– Не в обитель Светлого, а в женский монастырь, – поправила я. – Разве пристало ангелам подглядывать за послушницами?

– Почему бы и нет? – беззаботно отозвался он, покачивая ногой.

– Молчи, Матаризель! Негоже вести беседы с прислужницей князя Тьмы!

Ого! Да их тут целая стая. Я сердито повернула голову

ко второму белокрылому, менее смазливому и ведущему себя не так фривольно. Он не сидел на подоконнике, а стоял в противоположном конце комнаты, но, учитывая ее скромные размеры, это было не так уж далеко.

Я для острстки приподняла верхнюю губу, демонстрируя зубы.

– Брось, Пуриэль! – беззлобно отмахнулся Матаризель. – Отчего бы не поболтать о том о сем с милой девушкой?

Второй гневно воззрился на собрата, казалось, пытаюсь испепелить того взглядом. Зря старается. Испепелять – моя прерогатива.

– Эта «милая девушка» – исчадие Тьмы, которое спустилось на землю, чтобы лгать, убивать и сбивать смертных с пути истинного.

– Ты преувеличиваешь, – беззаботно отозвался Матаризель и по-свойски мне подмигнул, от чего у меня задергался глаз.

– Отнюдь. С момента своего прихода на землю она уже убила одного человека, совратила другого и разрушила заставлявшую семью.

То есть он следил за каждым моим шагом. Прекрасно. Нет, я не зарычала, лишь скупой улыбнулась, но это было куда худшим признаком.

– Ну, покойный был убийцей и насильником, так что считай, что она освободила от него этот мир, – возразил Матаризель.

Прекрасно. Значит, этот тоже следил за каждым моим шагом.

– Одна из женщин, которых он еще только должен был взять силой, родила бы ребенка. Этот ребенок должен был принести в мир много добра, – гнул свою линию Пуриэль. – Нам нельзя вмешиваться в течение жизни смертных. Малость, которая кажется нам правильной, может навредить великому. Запрет принца наложен не зря, и ты прекрасно об этом осведомлен. Да и сейчас она совращает этих послушниц, вставших на верный путь и готовых посвятить себя Свету.

– Не переживай, – отвечивал Матарияэль, несколько не впечатленный проникновенной речью своего собрата. – Даже если одна из них решит покинуть стены монастыря, не беда. Вдруг у нее однажды родится ребенок, который принесет в мир много добра?

Ему, похоже, доставляло удовольствие доводить Пуриэля до белого каления. Должно быть, давний конфликт, хотя поведение все равно не слишком ангельское, впрочем...

– Предоставляю вам выяснять отношения самостоятельно, господа. Когда решите между собой, кто я на самом деле, исчадие ада или милая девушка, можете прислать мне записку.

Едва успев договорить, вернее, додумать эти слова, я выскочила за дверь вслед за послушницами – снаружи доносились очень громкие голоса.

Зрелище нам открылось весьма специфическое. Несколько монахинь буквально облепили Эйтана, который, надо отдать ему должное, упорно старался вырваться из захвата. Получалось, однако же, не очень: во-первых, налицо было численное неравенство, а во-вторых, он явно опасался навредить женщинам, да и вообще стремился вести себя прилично. Чего никак нельзя сказать о его «противницах», ряды каковых грозили пополниться в любой момент, поскольку во дворе собралось немало сестер, пожиравших моего спутника голодными глазами. Шум производила главным образом мать-настоятельница, пытавшаяся призвать своих подопечных к порядку.

Мне, в отличие от нее, сразу стала ясна подоплека происходящего. Похоже, приоткрывая свою сущность, дабы раскрепостить собеседниц, я малость просчиталась и раскрепостила весь монастырь разом. А в нем, как нетрудно догадаться, собралось немало изголодавшихся по мужской ласке женщин.

Тем не менее, стоит отметить, что Эйтаном заинтересовались не все. Вон пара монахинь с повышенным интересом пожирают взглядами друг друга. Еще одна молится, уткнувшись носом в требник и ничего кругом не замечая. Благочестивая Агна озирается с недоумением и испугом, но в ее глазах нет и намека на вожделение. Кто бы сомневался. Ну, и мать-настоятельница, надо отдать ей должное, буквально надрыдается, пытаясь заставить всех вести себя прилично.

Однако у святоши вряд ли получится. А вот у демона шансов побольше.

Я принялась спускаться по лестнице с длинной террасы, с которой мы до сих пор наблюдали за происходящим. Мысленно произнесла слова призыва, и к моменту, когда моя нога коснулась земли, раштанг уже бил копытом во дворе. Запряженный, кстати сказать. Полагаю, конюх, если таковой здесь имелся, немало удивился.

Выражение лица безнадежно отбрыкивавшегося от дам Эйтана показалось мне столь потешным, что я не удержалась и захохотала. Матери-настоятельнице это не понравилось, более того, она явно что-то заподозрила. Но меры принять не успела. С легкостью разогнав вышедших из-под контроля монахинь, я схватила спутника за плечо и подтолкнула к колеснице. Долго уговаривать его не пришлось. Я взяла в руки вожжи и, не переставая хохотать – аж слезы на глазах выступили, – дала раштангу команду выдвигаться.

Глава 5

– Второй раз я спасаю тебя от женщин. Это становится традицией! – заявила я, в очередной раз зайдясь смехом.

Мимо мчались тянущиеся к небу сосны с редкими вкраплениями елей и усыпанная опавшими иголками земля. Раптанг двигался быстро, и трудно было как следует что-то рассмотреть, но мне определенно нравился запах хвои.

– Перестань! – взбрыкнул Эйтан, которому отчего-то было не до смеха.

На побагровевшем лице сердито сдвинулись брови. Лесной воздух, похоже, совершенно не шел ему на пользу.

– Почему? Это действительно было забавно.

– Ни князя не забавно. С ума все посходили.

Я не стала спорить с сердитым мужчиной, а вместо этого заметила:

– Темнеет уже. Пора подыскивать место для ночлега. – И, не удержавшись, добавила: – Раз уж в монастыре нам с тобой переночевать не удалось.

Эйтан злобно сверкнул глазами, но огрызаться не стал, тем более раптанг ощутимо замедлил бег, и мы получили возможность присмотреть подходящее место для остановки.

– Гляди-ка, там, похоже, кто-то уже расположился. – Я натянула поводья и указала в глубь леса, где поблескивало пламя костра. – Присоединимся? Может, удастся пожить

чем-нибудь вкусненьким.

– У нас и своих запасов хватает, – проворчал спутник.

Впрочем, это был не отказ, скорее проявление дурного расположения духа. Против компании Эйтан ничего не имел и, прихватив сумку с упомянутыми припасами, соскочил на землю. Вдвоем мы направились к ближайшим деревьям. Раптанга я предоставила самому себе, а парень то ли не обратил на это внимания, то ли уже успел понять, что подобное в порядке вещей и удивляться не стоит.

Вскоре стало ясно, что впереди горят целых два костра. Веселый ветер принес запах дыма и звонкие жизнерадостные голоса. Мрак не успел окончательно сгуститься над лесом, и мы без труда углядели между стволами яркие платки и цветастые юбки.

– Кажется, это джипси, – определил Эйтан.

Я вгляделась вперед с удвоенным интересом. Джипси были кочевым народом, не изменившим привычному образу жизни даже после того, как все прочие потихонечку осели кто в степях, кто в предгорьях, а кто и в горячей пустыне. Они были известны тем, что гадали по руке, пели веселые песни и не признавали крыши над головой. Ну и еще кое-чем.

– Советую припрятать кошель, – предупредил Эйтан.

– Глупости! – не согласилась я. – Вы, люди, любите придумывать страшные сказки про тех, кто хоть немного непохож на вас. И обвинять их во всех смертных грехах. Пола-

гаю, это помогает справляться с вечной человеческой неуверенностью.

– Какой еще неуверенностью?

Эйтан замедлил шаг, вроде как случайно, а сам смотрел на меня с подозрительным прищуром, будто пытался прочесть нечто особенное по моему лицу.

– Вдруг я не такой, как надо, – пояснила я, ничуть не забываясь о его подозрениях. – Вдруг со мной что-то не так. До тех пор, пока все ведут себя так же, как я, на такие сомнения можно закрыть глаза. Но едва на горизонте замаячит некто *иной*, беспокойство принимается терзать вас с новой силой. И решение приходит само собой. Доказать, что тот, другой, – хуже, чем вы, что уж его-то путь точно неправильный. А лучше и вовсе прогнать или уничтожить. Вам кажется, что это решит проблему. Но, вот беда: *иные* исчезают, а тревога остается.

– То есть ты убеждена, что беспокоиться за деньги не стоит? – прагматично полюбопытствовал Эйтан, сделав вид, что пропустил всю философию мимо ушей.

– Мне – точно не стоит, – просияла я. – У меня ведь нет денег.

Спутник ухмыльнулся. Монастырские приключения стали подзабываться, и его настроение ощутимо улучшилось.

– Значит, считаешь слухи о джипси предрассудками? – хмыкнул он. – А как насчет гаданий? По-твоему, гадают они правдиво?

– Некоторые – безусловно, – убежденно ответила я. – У гипсиков самый высокий уровень предвидения среди живущих. Но доверять не торопись. – Я предостерегающе подняла вверх указательный палец. – Гадалка гадалке рознь. Встречала я одну предсказательницу, которая смотрела на линии руки, ровным счетом ничего в них не понимая. Не было способностей – и все тут. Но деваться-то некуда, все шли к ней, чтобы спросить о будущем, и ждали ответов. Ну, вот она и говорила клиентам, что в голову взбредет. А однажды – уж не знаю, с какой радости, – предсказала впечатлительному пареньку, что в ближайший год его ожидает мучительная смерть от повреждения внутренних органов.

– Ясно, – кивнул Эйтан. – За год с ним так ничего и не случилось, и, когда срок истек, он призвал ее к ответу?

– Если бы, – возразила я. – Как я уже сказала, парень оказался очень впечатлительным. Выйдя от гадалки, он так и не смог вернуться к нормальной жизни. Только и думал о том, как мало ему осталось. И все ждал ужасной болезни, которая сведет его в могилу в считанные недели. В итоге не выдержал постоянного нервного напряжения и покончил с собой. Но поскольку раны нанес неумело, умер не сразу. Протянул еще около недели.

– И скончался от повреждения внутренних органов? Эйтан, помрачнев, снова замедлил шаг, почти остановился.

– Именно, – подтвердила я. – Видишь ли, предсказания

сбываются чаще, чем склонны считать недоверчивые. Но вопрос в том, отчего так происходит. Оттого, что джипси хорошо читала по руке? Бывает. Хотя будущее не вырезано в камне, и даже линии на наших ладонях способны в некоторых случаях меняться. Но бывает и так, что предсказание само себя подпитывает.

Я обошла сосну, приложив руку к неровной коре, чувствуя энергию, которой дышало дерево. Да, припоминаю, я люблю хвойные леса. Они охотно делятся с путниками своими силами. И, разумеется, ни капли на этом не теряют. Поделиться энергией – как пустить кровь. Новая вырабатывается лучше прежней.

– Само себя? Это как?

– Да очень просто, – пожала плечами я. – Не было бы предсказания – не было бы и его осуществления. Это весьма распространенная штука. Ты ведь наверняка слышал эту знаменитую историю про бедолагу, которому предсказали, что он убьет своего отца и переспит с родной матерью?

– Смутно припоминаю. Но без подробностей. Кажется, дело кончилось плохо.

– Хуже некуда. Услышав пророчество, он сбежал из дома, чтобы оказаться подальше от родителей, но, вот беда, ребенком он был приемным. В дороге он повстречал и убил человека, который был никем иным, как его настоящим папашей. Дальше сам догадаешься. А не было бы предсказания – сидел бы себе спокойно дома и, может, настоящих своих роди-

телей никогда бы не встретил. Так что хорошенько подумай, прежде чем обращаться к гадалке.

– Я вообще не склонен ходить к гадалкам, – отозвался Эйтан.

– Не склонен, но пришел-то к ним, – усмехнулась я.

Невзирая на медлительность, мы наконец дошли до поляны, на которой весело плясало хорошо подкормленное пламя двух костров. Под деревьями были расставлены небольшие яркие шатры, а по короткой траве прохаживались мужчины и женщины в традиционных одеждах джипси, по большей части босиком. Колкая хвоя, неизбежная в сосновом лесу, несколько их не беспокоила.

– Можно присоединиться к вам, добрые люди? – спросила я весело. – У нас есть свежий сдобный хлеб, которым мы рады будем поделиться.

– У нас пища тоже найдется. – Мужчина средних лет с короткой густой бородой приветственно махнул нам рукой. – Подходите. Джипси всегда рады гостям.

– Занятно, что наиболее гостеприимны те, у кого нет дома, – поддела я.

Эйтан предостерегающе ущипнул меня за руку, надо сказать, весьма болезненно. Но дружелюбие моего тона было очевидно, поэтому адресат лишь усмехнулся.

– Дом джипси – небо, усыпанное лампадами звезд – возразил он. – Куда бы мы ни направились, он всегда с нами.

– Красиво сказано, – оценила я.

Мы с Эйтаном уселись на траве недалеко от костра, но в то же время немного обособленно. К чему без необходимости вторгаться в чужое пространство? Тем более вечер был теплый, и человеческие тела не требовали близости огня.

– А что с ней случилось, с той гадалкой? – спросил вдруг Эйтан.

– Которой?

– Той, что предсказала смерть молодому мужчине.

– А, с ней... Да в общем ничего хорошего. – Я призадумалась, стоит ли посвящать в подробности смертного, но в итоге решила не терзаться этическими вопросами. Я же не ангел, в конце концов. – Она умерла, попала во Тьму и провела там... скажем так, немало времени. Но потом все-таки выкарабкалась.

– Раскайлась в содеянном? – приподнял бровь он.

– Выбраться из Тьмы не так просто, – рассмеялась я. – Нет, она выбралась по песням.

Если прежде Эйтан был удивлен, то теперь просто опешил.

– Песням?!

Я кивнула.

– Это как?

– Ну... Можно сказать, поднялась, как по веревочке. Долго, медленно, раздирая ладони в кровь, но все же. Ты даже не представляешь, на что способна музыка. Если любить ее всей душой. Да что там, никто себе этого не представлял.

Мы все невероятно удивились. Но потом поняли, что все закономерно.

Мой спутник хотел что-то возразить, но к нам приблизилась девушка-джипси.

– Хочешь, погадаю тебе, красавица? – весело спросила она, присев рядом с нами на корточки.

Вьющиеся каштановые волосы упали на лицо, и она откинула их, мотнув головой. Ветер, резвясь, заиграл с густыми локонами.

– Почему бы и нет? – воодушевленно воскликнула я. – Это будет интересно!

– Тогда пойдем поближе к огню.

Поднявшись, она поманила нас за собой и шагнула в сторону танцующего пламени. Я направилась следом.

– Будешь рисковать? – тихо спросил Эйтан, тронув меня за плечо. – Сама ведь только что говорила – это небезопасно.

– Не для меня, – хмыкнула я в ответ. – Поверь, у меня надежный иммунитет.

– И ты веришь, что она не солжет?

– Вот и посмотрим!

Я в предвкушении потеряла руки.

– Все сомневаются, – улыбнулась гадалка, обладавшая, как видно, чутким слухом, раз негромкие слова Эйтана достигли ее ушей в общем гомоне голосов. – Но, как говорится, не попробуешь – не узнаешь. Вот ты готова попытать судьбу?

– Всегда! – заверила я и в подтверждение своих слов про-

тянула ей раскрытую левую ладонь.

Девушка пригляделась, и вскоре улыбка слетела с ее лица. Она подняла на меня полные смятения глаза, потом снова уставилась на руку, щурясь и поднося ее к лицу, словно вчитывалась в древние строки, написанные мелким неразборчивым почерком.

Наконец, она медленно опустила мою ладонь.

– Пожалуй, твой спутник прав в своих сомнениях. – Не сказать, чтобы признание далось ей тяжело: гордость гадалки задета не была, скорее, она пребывала в растерянности. – Должно быть, искусство предсказания изменило мне сегодня. Ешьте и пейте, а грядущее узнается, когда наступит.

Она собиралась уйти, но я вовремя ухватила ее за руку.

– Э нет, так не пойдет. Ты ведь что-то увидела. Почему не хочешь сказать?

– Увидела. Но это лишено смысла.

– Ну, это уже мне решать, – возразила я. – Выкладывай.

Девушка пожала плечами и взяла в руки вновь протянутую мною ладонь. Поглядела на нее, подняла глаза на меня, затем на Эйтана, словно искала поддержки, ждала, что мы разделим ее чувства. Но мы-то даже не подозревали, о чем пойдет речь, поэтому нам оставалось лишь вопросительно поднимать брови. И, вздохнув, она заговорила:

– Я вижу два рождения и две смерти. Дорогу в будущее, которая приведет к истоку истоков. Клятву, которая будет исполнена и все же нарушена. Семь незажженных свечей, ко-

торые ярко горят. Врага, который окажется другом, и противостояние, которое лишено сути.

В очередной раз подняв глаза от ладони, она посмотрела на меня со смесью прежней неуверенности и грусти. Но лошадиное ржание и громкие человеческие возгласы прервали гадание.

Из лесу на поляну выехал вооруженный отряд. В неверном свете костров да за древесными стволами особо не разглядеть, но их точно было не менее дюжины. Кольчуги из плотно подогнанных колец, остро наточенные мечи, у некоторых – наколенники из кожи и даже металла. В общем, все то, что помогает уязвимым человеческим особям почувствовать себя неуязвимыми. Мне не нравилась исходявшая от них энергия. Волны, человеческому восприятию едва доступные, но для меня столь же очевидные, как яркий свет или душный запах гари.

Предводитель выехал вперед, обвел поляну тяжелым взглядом, задержался ненадолго на нас с Эйтаном, но затем, казалось, утратил интерес и заговорил с остальными.

– Джипси! Его сиятельство Энтони Вильям Блейд, граф Торнфолкский, объявляет ваше присутствие на вверенной ему территории незаконным!

– Мы – кочевой народ, господин капитан, – твердо, но вежливо ответил тот самый мужчина, что первым поприветствовал нас этим вечером. – Мы – не подданные графа и не претендуем на его землю. Он не может запретить нам просто

пройти через Торнфолк.

– Ошибаешься. Он уже запретил.

Капитан требовательно вытянул руку. Один из сопровождающих тронул коня и, приблизившись, вручил ему свиток. Командир развернул документ, бегло мазнул по нему взглядом.

– Желаете ознакомиться? – брезгливо поморщившись, обратился он к джипси.

– Нет, – чуть помешкав, ответил тот. – Я верю тебе. Что ж, передай графу: утром мы снимемся с места и двинемся к границе Торнфолка.

– Э нет, так не пойдет, – злорадно возразил капитан. – Вы здесь и уже нарушили запрет. Мы и без того терпели вас слишком долго. Джипси – пятно на чистой карте графства. Вы не знаете законов, не соблюдаете традиций, не платите налогов. Вы поклоняетесь князю Тьмы.

– Надо же, это как-то прошло мимо меня! – воскликнула я воодушевленно. – Неужели правда?

– Мы возносим молитвы обоим братьям, – тихо, так, чтобы не услышал никто из солдат, ответила гадалка. – По нашим убеждениям, миру необходимо равновесие.

Воодушевление сошло на нет, и я ответила кислой кривой улыбкой: нравоучения о равновесии, как, впрочем, и любые другие, меня раздражали. Моим вниманием снова завладел военачальник, весьма закономерно заключивший:

– Чаша терпения переполнена, и кара постигнет вас в пол-

ной мере.

– Я протестую! – Все с изрядной долей изумления уставились на Эйтана. – Господин капитан, мне понятна природа обвинений, но я считаю, что дело такого рода следует рассмотреть досконально. – Мой спутник говорил уверенно, жестко, но ни на дюйм не отошел от рамок этикета. Принц Света разберет, как ему это удавалось. – Так вышло, что мы случайно встретили этих людей, когда солнце клонилось к закату. Это позволило нам получить определенное впечатление об их повадках. Они дружелюбны и гостеприимны. Они готовы были разделить с нами еду и ночлег. Не проявили ни единого признака враждебности, не попытались обокрасть или как бы то ни было нам навредить. И я не видел, чтобы они молились князю Тьмы, хотя, конечно, мне мало известно об этой стороне их жизни.

Джипси слушали молча, затаив дыхание. В чьих-то сердцах появилась надежда, что солдаты прислушаются к словам незнакомца. Кто-то на поблажки не рассчитывал, но был благодарен случайному попутчику за слова поддержки. Мысли иных были заняты исключительно графским отрядом. Интерес солдат был несколько другого рода – они скорее любопытствовали, откуда этот парень взялся (учитывая, что он явно не принадлежал к народу джипси) и что ему здесь понадобилось.

– Кто это такой? – тихо спросил капитан у своего помощника.

Вопрос не должен был достичь посторонних ушей, но слух у меня более тонкий, чем у людей.

– Похоже, дворянин, – еще тише ответил тот. – Личность мне неизвестна. Я никогда прежде не видел ни этого человека, ни его портретов. Но он, конечно, не джипси, скорее местный. И не из простого народа. Может, аристократ какой обедневший...

– Ясно, – довольно грубо прервал ход его умозаключений капитан. – Послушайте, господин! – обратился он к Эйтану. – Мы выслушали ваши рекомендации. Но у нас имеется недвусмысленный приказ, отданный лично графом Торн-фолкским. Мы не можем пойти против него. Поэтому очень прошу вас – и вас, леди, – отойти подальше. Вы еще сможете найти более приятное место для ночлега. А у нас здесь свои дела.

– Было бы интересно узнать какие. – Мой спутник по-прежнему вел себя спокойно, но уходить даже не думал, это я видела четко. – Не собираетесь же вы, право слово, забрать в тюрьму всех этих людей с женщинами и детьми.

– О нет! – Я потянулась и встала рядом, пристально разглядывая лицо капитана. – Они никого не собираются бросать в темницу. Не так ли, господин военачальник?

Тот ничего не сказал, но в этом не было нужды. Его мимика, молчание, рука, красноречиво коснувшаяся рукояти меча, – все это не оставляло сомнений касательно цели посланного графом отряда.

– Вы ведь собираетесь перерезать всех этих людей, – констатировала я спокойным, размеренным, почти будничным тоном.

Ничего нового я не осознала, так что и шокировать информация меня не могла. Похоже, Эйтан тоже не слишком удивился. Думаю, он, как и я, ожидал чего-то подобного. Его рука уже непроизвольно тянулась к ножнам, в которых, правда, прятался всего лишь кинжал. Семейный меч, увы, остался в Вилле.

– Не хотите уходить, дело ваше! – рявкнул капитан, не собиравшийся больше с нами возиться.

В его представлении все было просто: дал людям шанс уйти без потерь, а если они этим шансом не воспользовались, кто ж виноват? Глупцы страдают всегда. – По приказу графа Торнфолкского еретики должны быть уничтожены, – объявил он, чеканя слова, но в то же время стараясь говорить быстро, чтобы не оставить людям времени что-то предпринять. – Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. К бою!

И хором заскрежетали вынимаемые из ножен мечи.

Я не провидица и не гадалка, но там, откуда я родом, время воспринимается иначе. И при желании я могу увидеть воочию – нет, не будущее (и сроки не играют здесь никакой роли), а наиболее вероятное развитие событий. На короткое мгновение я позволила себе это сделать. В ушах зазвучали крики раненых и предсмертные стоны, смешавшие-

ся с реальными воплями перепуганных людей в корежащей сознание какофонии. Мощные кони, буквально затаптывающие мужчин и женщин. Клинки, которыми орудуют всадники, нагоняя пеших. Короткие кинжалы, которыми добивают раненых. Доживающий последние секунды мужчина, тянущий руки к раздробленной грудной клетке. Женщина, лежащая лицом в траве совершенно неподвижно, и только длинные каштановые волосы ее все гуще окрашиваются алым. С визгом мечущиеся по поляне дети, которых раньше или позже находят и заставляют замолчать двумя-тремя ударами кинжала. Быстро свертывается кровь. Неестественно рыжеет ковер сосновых иголок. Обрывки ярких шатров мечутся на ветру бессмысленными и бесформенными лоскутами. Зачинщики отправятся в трактир и быстро позабудут обо всем, что случилось на поляне. Это не первый их рейд, уж больно хорошо каждый из них знает свое дело. Но память останется: об этом позаботится лес. Сотни лет пройдут, но корни и кроны, мох и трава навсегда запомнят каждый стон и каждый взмах палаша. И лес никогда не станет прежним.

Я мотнула головой, возвращаясь в реальность, в которой все пока были живы. Первые доли секунд. Конники начали выдвигаться на поляну. Джипси, не ожидавшие такого поворота, чуть замешкались, но теперь бросились врассыпную. Я глубоко вдохнула, втягивая носом запах хвои, ощущая тепло не успевшей застыть смолы. Несколько подходящих деревьев нашлось быстро. Слабое движение рукой – и высокая

сухая сосна повалилась на поляну, с треском ломая ветки, задевая кусты и деревья пониже, поднимая кучу пыли, от которой закашлялись все, имевшие неосторожность оказаться слишком близко к месту падения. Конникам пришлось отступить, и ствол надежно перегородил поляну, отделяя воинов от джипси.

Вторая сосна тоже была почти сухая, лишь на паре веток еще зеленели редкие иголки. На этот раз кого-то задело: предостерегающие возгласы и испуганные крики смешались со стонами. Третье дерево упало поверх второго, сделав заслон более внушительным. Четвертое, пятое... Довольно.

Джипси сообразили, что нужно пользоваться моментом, и разбежались кто куда. Спрятаться в лесу не составит им труда. Но и нам не стоило мешкать. Придаться конникам вроде бы и не к чему, но ведь захотят же они отыграться на ком-то за свою неудачу. Я потянула Эйтана за рукав, и он отреагировал быстро, а там и раштанг подоспел. Странновато, конечно, когда колесница мчится без дороги через чащу, но кто заметит в темноте да неразберихе?

– Ты хоть понимаешь, что твое горячее выступление перед стражей было заранее обречено на провал? – полюбопытствовала я час спустя, растянувшись на траве и заложив руки за голову.

Эйтан привычно сидел у костра, обхватив руками колени.
– Я похож на идиота? – удивился он.

Я приподнялась на локте, рассматривая его, лениво пожала плечами и снова улеглась поудобнее.

– Не знаю. Давненько их не видала.

Эйтан раздраженно возвел глаза к небесам. Но никто не смотрел оттуда сочувственным взглядом. Между набежавшими тучами пугливо моргали редкие крошечные звездочки.

– Я отлично понимал, что их мало интересует мое мнение, – снизошел до ответа он.

– И почему же тогда не придержал его при себе?

– Считаю, что в некоторых случаях надо поступать правильно, даже если это ничего не изменит.

– Зачем? – Я задумалась, побарабанила пальцами по сырой земле. – Чтобы ночами кошмары не мучили? Чтобы чувствовать себя хорошим человеком? Чтобы окружающие уважали?

– Воспитали меня так, – огрызнулся Эйтан, но все-таки счел нужным уточнить: – Если один, второй, третий, четвертый знают, что не могут ничего изменить, но все равно поступают правильно, рано или поздно что-нибудь да изменится. Даже гора может сдвинуться с места.

– Пожалуй. – Он покосился на меня удивленно, видимо, ожидал насмешек, а не легкого согласия. Не желая никого разочаровывать, добавила свою ложку дегтя: – Только понятие «правильно» для каждого из них будет разным, поэтому гора не сдвинется. Если, конечно, ее не подтолкнет кто-ни-

будь посильнее.

– Например?

– Да мало ли, – туманно ответила я, глядя в темное небо.

– Кто ты такая, Арафель?

Вопрос застал меня врасплох. Я снова приподнялась на локте, чтобы встретить чересчур внимательный взгляд.

– Просто девушка.

Эйтан рассмеялся.

Я села, хмурясь, пригладила растрепавшиеся волосы и обхватила руками колени, выжидая, когда закончится этот неуместный приступ веселья.

– Ни одна «просто девушка» так бы не ответила, – высказался он наконец.

– А как? – наострила уши я.

– Ну, например, «Марта из деревни Гнилые Пеньки». Или «дочь кузнеца». Но никак не «девушка». Ты бы еще сказала «человек»!

Я досадливо прикусила губу, поскольку изначально именно это и собиралась сказать.

– По-твоему, я слепой? Ты сняла с меня заклятие, даже не приближаясь. Допустим, ты просто ведьма. Сильная ведьма. Но дальше становится интереснее. Ты изо всех сил упираешься, чтобы не заходить в храм. А когда все-таки вошла – думаешь, я не заметил, что там произошло? Ты не отражалась в зеркальной поверхности, и этим до смерти напугала старушку.

– Она сама испугалась! – огрызнулась я. – Было бы чего бояться! Кому она нужна?

– Потом монахини посходили с ума, когда ты пришла в монастырь, – продолжал он с настойчивостью вошедшего в раж прокурора.

– Они по тебе сходили с ума, так что тут еще можно поспорить, кто виноват! – парировала я.

– И деревья на той поляне повалил тоже я?

– Землетрясение, случайное стечение обстоятельств. Природное явление. Может, это принц Света вмешался, – предположила я едко.

– Интересное землетрясение. Локальное такое. Одну поляну трянуло, а в остальном лесу – как не бывало.

– Я за ваши здешние леса не в ответе.

– А твой конь? Это и вовсе отдельная песня. Скачет без дороги, едва касаясь земли, и с такой скоростью, что любая верховая лошадь позавидует.

Я сложила руки на груди и осуждающе поглядела на Эйтана. Ну и что теперь с ним делать? Испепелить на месте?

– Ладно, допустим, ты меня поймал. Не человек я. А он – не конь. Дальше-то что? Предупреждаю сразу: чеснок не поможет. Запах терпеть не могу, но прахом не развеюсь. И знак Принца не поможет: та старушенция уже пробовала. Разозлюсь только. Осинový кол получше. Дерево, конечно, значения не имеет, но, если заденешь жизненно важные органы, я умру. Да только сумеешь ли ты до меня добраться?

От такого напора Эйтан смутился.

– Да не собираюсь я ничего делать. Я просто спросить хотел. Кто ты такая на самом деле?

Я издала нечленораздельный возглас, призванный выразить раздражение.

– Да не знаю я, как сказать! Нет у вас такого слова. Чтобы появилось слово, нужно понятие. А вы не имеете представления о том, что происходит в моем мире. Ну, если угодно, можешь называть меня демоном, – смиловилась я, хоть и поморщилась от такой формулировки. – В вашем языке это, наверное, самое близкое.

Эйтана все-таки проняло, судя по тому, как судорожно он сглотнул.

– Не думал, что демоны... так выглядят.

– Демоны никак не выглядят, – отрезала я. – Мы бесплотны и можем принимать разную форму. И попрошу не путать меня со всякими примитивными сущностями, которых ничего, кроме как энергетически пожрать, не интересует.

Эйтан не слишком понял, о чем я говорила, но, кажется, ему в голову пришла новая мысль, поскольку он прикрыл глаза и принялся с силой массировать пальцами виски.

– Выходит, я спал с демоном, – констатировал он наконец. – Я попаду в ад?

Я недоумевающе похлопала ресницами, а потом расхохоталась так, что упала обратно на траву и обеими руками схватилась за живот.

– Знаешь, – с трудом выговорила я затем, утирая слезы, – мне доводилось видеть неисчислимое количество людей, которые попали, как ты выразился, в ад. Среди них нет ни одного с такой причиной. Ой, не могу, ну и фантазия у тебя! Такие подробности твоей личной жизни не интересуют ни князя Тьмы, ни принца Света. Извини, но чтобы попасть в ад, придется совершить что-нибудь посерьезнее.

– Это успокаивает.

– А ты не успокаивайся слишком сильно, – мстительно посоветовала я. – Может, я лгу? Я же демон! Что, если я для того и пришла на землю, чтобы совратить тебя и навсегда лишить райских кущ?

– Сомневаюсь. Не думаю, что такой... демон, как ты, прибыл бы ради подобной мелочи.

– Одно очко в твою пользу. Не прибыл бы. Наша с тобой встреча – стопроцентная случайность.

– Какая случайность?

Снова прокол. Подобные словечки не следовало использовать.

– Абсолютная. Полная.

– Ладно. И все-таки. Что привело тебя на землю? Существует же какая-то цель.

– Разумеется. Скажем так: я пришла на землю с некой миссией.

– И... какого рода эта миссия? – спросил Эйтан с нескрываемой опаской.

– А вот этого я раскрывать не стану.

Он помолчал, не то набираясь смелости, не то хватая за хвост ускользящую мысль, затем спросил:

– Ты собираешься уничтожить землю?

– Минус пять очков. Чтобы уничтожить землю, обязательно на нее спускаться.

– Спускаться? – ухватился за слово он. – Я думал, ад – внизу.

– Верх, низ... – отмахнулась я. – За пределами вашей реальности эти понятия полностью теряют смысл. Но факт остается фактом: для того чтобы уничтожить мир, братья должны прийти к согласию.

Я не уточняла, но Эйтан, конечно, и без пояснений понял, что братья – это князь Тьмы и принц Света.

– А они могут? Прийти к согласию?

– Ну, у них сложные отношения... В принципе могут. Но землю уничтожать не станут.

– Это успокаивает.

– После смерти успокоишься, – огрызнулась я, вновь укладываясь поудобнее и устремляя взгляд вверх.

За время нашего разговора облака успели переместиться, и картина звездного неба изменилась.

– Почему ты такая вредная?! – пожаловался Эйтан и тут же хлопнул себя по лбу, сообразив, что ответ очевиден.

– Ха-ха-ха! – нарочито посмеялась я. – Положено мне так. А уж с каким удовольствием я пью кровь праведников! М-

м-м... вкуснотища!

– Не верю.

– И правильно. Кровь невкусная. Слишком соленая.

Казалось, разговор удалось увести в сторону от скользких моментов, но мой спутник оказался крепким орешком.

– Ты пришла, чтобы нести разрушение? – спросил он в лоб, подавшись вперед.

Я покосилась на него с неодобрением.

– Естественно. А ты как думал? Без разрушений, знаешь ли, места для новой жизни не останется. Да и потом, любите вы, люди, искать виноватых. Сначала наворотите такого, что даже самой кропотливой работой не исправить. А потом удивляетесь: «Как всемирный потоп? За что?» Да ни за что! Глобальное потепление не надо было устраивать.

– *Какое* потепление?

– Забудь. Это я увлеклась. Суть в том, что без разрушений порой не обойтись, и переложить всю вину на князя Тьмы вам не удастся. Так что же ты теперь будешь делать, праведник с невкусной кровью? Домой сбежишь поутру? Невеста небось не так страшна, как демон? Или все-таки остановимся на варианте с осиновым колом?

Что-то, неуловимо похожее на сожаление, царапнуло душу. Ветер успокаивающе пробежался по лицу и ладоням.

– Я же сам себе не враг, – резонно возразил Эйтан.

Прикрыл глаза. И сделал вид, что засыпает.

Все понятно. Сбежит. Может, этой же ночью, может, чуть

позже. Да и немудрено. Любой смертный испугается, поняв, с кем столкнулся. Все равно, что божьей коровке подружиться со слоном, который наступит – и не заметит. И долго еще будет удивляться: куда же подевался новый приятель? Отползти потихонечку, потом расправить крылышки и улететь – самый разумный поступок в такой ситуации. А мне по большому счету должно быть все равно.

Но сожаление продолжало царапаться откуда-то изнутри. И это было неправильно.

Глава 6

Ночью Эйтан все-таки не сбежал. Однако провел ее без сна, это было ясно по покрасневшим глазам, которые он то и дело принимался тереть, когда думал, что я смотрю в другую сторону. Исчезновение спутника – вопрос времени. Скорее всего, он просто боялся, что я сочту такой поступок предательством, нагоню его и как-нибудь покараю. Смешная мысль, на самом-то деле: неужто мне нечем больше заняться, кроме как бегать за... божьими коровками? Я даже хотела сперва так ему прямо об этом и сказать, но передумала. Ведение бесед с божьими коровками тоже выходило за рамки моих служебных обязанностей.

Очередной городок, до которого мы добрались в скором времени, Ир, отличался от прочих особенно узкими улочками. Зачастую, вытянув руки в стороны, можно было с легкостью коснуться обеих стен. Ездить здесь было проблематично, так что колесницу пришлось оставить на окраине, благо расстояния были смешными – до центра мы добрались всего за полчаса. Прошли, склонив головы и подняв воротники, под бельевыми веревками, протянутыми между окнами (с плохо отжатой одежды вечно капало), полюбовались на заброшенную, покосившуюся от времени церквушку и спустились по ступенькам в один из трактиров.

Здесьшний повар звезд с неба не хватал, но еда была вполне

сносной. Посетители охотно подчищали тарелки, вымачивая куски свежевыпеченного хлеба в соусе из-под жаркого. Даже Эйтан слегка повеселел, хотя продолжал украдкой бросать на меня неоднозначные взгляды. Это раздражало, даже угнетало. Сбежал бы, что ли, поскорее. Впрочем, вскоре мне стало не до него.

Воздух вдруг словно сгустился вокруг меня. Звуки и зрительные образы с трудом достигали моего внимания, будто прорывались через каменные стены. В сущности, я почти не реагировала на окружающий мир, внезапно полностью сосредоточившись на внутренних ощущениях. Внутренних, но навязываемых извне. И я никак не могла понять, что за сила хватает меня и тянет, когда я сама не знаю куда. Сперва я думала, что имеет смысл разобраться, проверить, откуда взялось столь странное состояние. Но вскоре просто встала и двинулась прочь. Оттолкнула стол, вышла из трактира, полностью сконцентрированная на цели, совершенно не заботясь о том, что там, в трактире, остался мой, пусть и недолгий, попутчик, равно как и о том, что за еду в таких заведениях принято платить.

Меня влекло вперед, отчаянно, стремительно, требуя поскорее преодолеть все преграды. Прочее не имело значение. Только успеть на зов. Оказаться там, куда необходимо попасть. А о последующем можно подумать потом.

Ситуация не нравится мне категорически. Я – сама себе хозяйка. Я подчиняюсь только князю Тьмы, но к происходя-

щему со мной сейчас он никакого отношения точно не имеет. Слишком хорошо мы с ним знакомы. Слишком долго по любым летоисчислениям. Что-то непонятное, чужое, несущее угрозу тянет меня за собой, будто я внезапно превратилась в марионетку. И такое сравнение нравится мне еще меньше.

Я спешу. Передвигаюсь стремительно, много быстрее, чем ходят обычные люди, почти не касаясь ногами земли. Краем глаза видя собственные руки и ноги, понимаю, что мои очертания стали размытыми. Я не утратила своего тела, но еще немного – и приму совсем иной образ, темный, расплывчатый, по человеческим меркам – огромный. Начинаю недовольно скалить зубы. Ничего не имею против этого образа, но я желаю контролировать все, что со мной происходит. К тому же сдавать себя вот так с потрохами совершенно не входит в мои планы.

Вот и он, старый покосившийся храм. Именно сюда влечет меня неведомая сила. Даже не захожу – проникаю – внутрь. Неожиданно просторно. Снаружи здание казалось маленьким, но нет, размеры вполне традиционные. Чего не скажешь про обстановку. На полу мелом нарисован замысловатый многоугольник. По его сторонам разложены предметы, казалось бы, не имеющие друг к другу никакого отношения, но все мощные, источающие недюжинную силу. Древний кривой кинжал, давно заржавевший, совершенно бесполезный на сегодняшний день, но познавший много самой разно-

образной крови. Пучок выдранной с корнем травы, свежей, хранящей жизнь. Человеческий череп, скорее всего, вырытый на каком-то древнем кладбище. И многое другое.

И какой-то мужчина в темном плаще, застыв в противоположном конце храма, пожирает меня жадным, испуганным, но одновременно восторженным взглядом.

Вот теперь я поняла. Тенью скользнув внутрь многоугольника, заперев саму себя во власти его ребер, я наконец осознала правду. Этот идиот решил призвать демона! Вычитал правила – и где только их раздобыл?.. Собрал необходимые артефакты. Нарисовал и разложил все как надо. И должен был бы притянуть таким образом низшее существо из мира Тьмы, из тех, что кружат недалеко от поверхности, привлекаемые запахом крови, реагирующие на жизнь, как голодный пес – на манящую кость... Но я оказалась ближе! Я уже была в этом мире, более того, всего в двух кварталах от злополучного храма. И потому призыв зацепил меня. Меня, которую в иных обстоятельствах ни один смертный не смог бы поймать на такую ерунду!

Я разозлилась не на шутку. Зарычала, оскалила клыки. Вряд ли это сильно испортило мою внешность: сейчас я влюбом случае мало походила на симпатичную сельскую девушку. Я хотела лишь одного – до смерти напугать наглеца, посягнувшего на то, о чем он не имел ни малейшего представления. Да еще, может быть, вырвать его печень. Вот только, увы, на последнее пока не было ни единого шанса: много-

угольник надежно удерживал меня в своих уродливых рамках.

Смертник – хоть он пока и не считал себя таковым – испугался, но это не помешало ему испытывать граничащий с безумием восторг.

– Получилось, – одними губами прошептал он. И, уже в полный голос, прокричал: – Получилось! Не может быть... Этого просто не может быть.

Ну точно сумасшедший. Разговаривает сам с собой. Впрочем, нормальный изначально не станет ввязываться в подобные эксперименты. Инстинкт самосохранения не позволит. Говорят, у людей он очень силен.

– Так... как там дальше... Я – Тобиас Чаллис, твой повелитель!

Видимо, в книге было написано, что говорить с демоном следует отчетливо и звонко, и он старался, как прилежный ученик. На последнем слове я в очередной раз оскалилась.

– Повинуешься ли ты мне, исчадие тьмы?

– Повинуюсь.

Звуки крайне неохотно слетают с губ. И такая улыбка играет на них, что безумец сбежал бы за тридевять земель, понимай он хоть что-то в демонической мимике.

– Хорошо. Тогда повелеваю доставить сюда Изабеллу Чаллис, мою невестку, и ее отпрыска, которого она нагуляла на стороне. Доставь живыми или мертвыми, мне все равно.

– Повинуюсь.

Выхожу за грань многоугольника, но это не имеет значения. Заклинание подчинения продолжает действовать, меня не выпустили, всего лишь удлинители ниточки, надежно привязывающие к храму. Но это временно. Раньше или позже мерзавец допустит ошибку – и захлебнется собственной кровью. Демоны не прощают посягательства на их свободу.

Все чувства отошли на второй план, моим разумом владеет лишь ненависть. Клокочет в груди, пульсирует в висках, темной пеленой застилает глаза. Воля скована, но я точно знаю, кто в этом виновен и кому придется заплатить по счетам.

Отыскать людей в крошечном городке несложно. С легкостью сокрушаю дверь, одной рукой хватаю молодую женщину, другой – четырехлетнего ребенка мужского пола. Кстати, Тобиас заблуждался на этот счет: в мальчике совершенно точно течет та же кровь, что и в его собственных жилах. Но мне не приказано об этом сообщать, а я не так глупа, чтобы делать больше необходимого...

Эти двое перепуганы и пытаются сопротивляться, но мне, обладающей сейчас нечеловеческими размерами и недюжинной силой, несложно их удержать. Сочувствия я не испытываю, скорее досаду. Они для меня – помеха, на которую приходится отвлекаться вместо того, чтобы заняться своим настоящим делом. Мы передвигаемся стремительно, невнятной тенью, почти незаметной случайным прохожим. Те лишь ежатся, ощутив холод, который вскользь коснулся их душ.

Порой человеческие инстинкты кричат об опасности там, где молчит разум.

Я возвращаюсь в храм, швыряю добычу в угол и снова становлюсь в центр многоугольника.

– Твое задание исполнено.

Тобиас аж пританцовывает, потирая руки.

– Думала, я ничего не сумею сделать? – восклицает он, поворачиваясь к невестке. – Ты украла у меня сына! Из-за тебя он ушел из дома. Из-за тебя перестал разговаривать с родным отцом. Ты обманом рассорила его с семьей и заставила растить чужого ребенка. Но, как видишь, меня трудно перехитрить. И я силен, сильнее всех в этом городе! Сильнее, чем все вы могли вообразить. Об этом многие сегодня узнают, но ты отняла у меня самое ценное – сына, и ты будешь первой. – И, не давая перепуганной женщине шанса ответить, обращается ко мне: – Убей их!

Безумец – он безумец и есть.

Я делаю шаг к жертвам, но замираю, неожиданно услышав знакомый голос:

– Арафель, нет!

Медленно поворачиваю голову. Эйтан, по какой-то непостижимой причине не сбежавший, едва я покинула таверну, и еще более невероятным образом оказавшийся здесь – следил за мной, что ли? – кидается к многоугольнику.

Еще один безумец. Здесь все сплошь безумцы.

– Кто это такой? – нервно восклицает Тобиас. – Убери его

немедленно, чтобы не мешал!

Я наношу удар – и недавний спутник отлетает к стене, да так и остается лежать возле нее, а мои ноздри щекочет запах свежeproлитой крови. Вновь поворачиваюсь к женщине с мальчиком. Понимая, что терять уже нечего, она вскакивает на ноги и восклицает:

– Вы говорите неправду, мэтр Тобиас! Я никогда не пыталась поссорить вас с Дэнни. Я даже уговаривала его не рвать отношения, все-таки вы его отец. Он сам так решил, и вы отлично знаете, что это ваша вина. А Габи – сын Дэнни и ваш внук. Пожалейте хотя бы его!

И тут я понимаю, что судьба предоставляет мне лазейку. Похоже, теперь имеет смысл высказаться.

– Она, возможно, права, повелитель. Не исключено, что мальчик – ваш внук.

– Что? – Впервые Тобиас выглядит по-настоящему неуверенно. Мне удалось посеять в его разуме зерно сомнения. – Мой... но... Она гулящая, я же знаю! И этот ребенок совсем не похож ни на Дэнни, ни на меня... Ты говоришь, «не исключено»? Что это значит? Ты можешь выяснить наверняка?

– Да, повелитель. Для этого мне понадобится испить вашу кровь.

Я не могу не насладиться произведенным эффектом. Тобиас буквально побелел от страха. Женщина тоже перепугалась, прижала ребенка к себе. Глупая. Мне нет до тебя никакого дела. Спектакль предназначен для другого зрителя.

Вдоволь наглядевшись на реакцию безумного негодяя, вздумавшего мной повелевать, уточняю:

– Достаточно двух капель. Вашей и мальчика.

Он успокаивается. Вытирает пот со лба.

– Мальчика и моей...

Все-таки нервное это занятие – призывать демона. Мужчине уже трудно концентрироваться, мысли начинают путаться, а мне это на руку. – Ладно. Если он действительно может оказаться моим внуком...

И я уже готова восторжествовать, но тут он восклицает, отскакивая подальше от многоугольника: – Стой! Я понял! Ты хочешь перехитрить меня. Я где-то читал... Выпьешь моей крови – и я утрачу над тобой власть. Не-е-ет, у тебя ничего не выйдет, демон! Убей ее! Немедленно, слышишь?

От досады я снова рычу, обнажая зубы в оскале. И оглядываюсь, внезапно ощутив некий сбой. Колебание в потоках силы.

Эйтан, с рассеченным лбом, до сих пор никем не замеченный, подползает к многоугольнику. Движения даются ему с трудом, но упорство приносит плоды. Он вытягивает руку, касается пальцами ржавого кинжала и отбрасывает оружие в сторону.

– Нет! – отчаянно вопит Тобиас.

Слишком поздно. В идеально воздвигнутой стене возникает брешь. Фигура, проработанная с таким тщанием, безнадежно испорчена. Казалось бы, такая маленькая деталь, но

без нее ограничительное колдовство уже не действует. И я вырываюсь на свободу.

Когти – а моя рука напоминает сейчас лапу хищника – разрывают грудную клетку обидчика. Тобиас падает на пол, и я собираюсь как следует насладиться его страданием, поиграться с тем, кто посмел возомнить, будто может отдавать мне приказы. И вдруг ощущаю незначительную помеху. Кто-то схватился за мое предплечье.

– Не надо, Арафель! Хватит!

Я нависаю над Эйтаном, готовая разорвать его на части.

– Никогда! – рычу, дыша ему в лицо. – Никогда не вставай между демоном и его добычей!

Последние слова произношу уже человеческим голосом. И, лишь услышав саму себя, понимаю, что вновь обрела людской облик. Отхожу к стене, подальше от остальных, и устало сажусь на пол.

Видимо, на какое-то время я отключилась. Не уснула, не потеряла сознание, а именно отключилась от реальности, застыв на месте, глядя в одну точку, ничего не слыша и не видя. Когда очнулась, первым делом начала различать приглушенные голоса.

– Я даже не уверена, что муж мне поверит, – тихо говорила женщина. Судя по всему, она успела немного прийти в себя, но эмоционально по-прежнему оставалась на взводе. – Я бы сама в подобное не поверила, расскажи мне кто-нибудь!

Она провела рукой по волосам спящего ребенка, детский организм которого нашел, как видно, наилучший выход из сложившейся ситуации: едва угроза миновала, крепко уснуть в маминых объятиях и отстраниться таким образом от недавнего испуга.

– И если поверит, тоже непонятно, как быть. Захочет он заниматься похоронами отца после всего, что здесь произошло? Принц Света, я и представить себе эти похороны не могу!

– Вам сейчас надо просто вернуться домой и успокоиться, хоть немного. Посидите в уютной обстановке. Выпейте чего-нибудь покрепче, чем обычно. Отоспитесь. И мальчика держите при себе, ему так будет спокойнее. А дальше все вопросы сами собой решатся. Вам помочь?

– Нет-нет, спасибо! Спасибо вам за все!

– Сможете сами добраться до дома? – с некоторым сомнением спросил Эйтан.

– Да, конечно. Я уже в порядке, а здесь недалеко.

Я услышала шаги, увидела боковым зрением приближающихся людей. Невестка Тобиаса и Эйтан, несущий на руках спящего мальчика. Женщина внезапно остановилась.

– Вы не должны ее бояться, – тихо принялся объяснять Эйтан. – Она не желает вам зла. И никогда не желала. Она была вынуждена подчиняться этому человеку, но теперь его нет.

Прерывистый вдох. Воспоминание о последних секундах

жизни Тобиаса не способствовало росту доверия к сидящему неподалеку от дверей существу. Я бросила на людей равнодушный взгляд и отвернулась, своей позой и мимикой показывая, что не собираюсь никого останавливать и вообще как-либо вмешиваться в их поступки. Но вместо того чтобы добраться до выхода, женщина, наоборот, отступила в глубь храма. Кажется, лишь окровавленное тело недавнего свекра не позволило ей уйти слишком далеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.